

The background of the cover is a dramatic painting of a stormy sea. The water is a deep, dark blue-green, with white foam from the waves. In the foreground, a small, dark boat is being tossed by the waves. The overall mood is one of danger and adventure.

Роман Покровский

Принц Аглианта

Легенды Лазурной Юдоли
Том I

12+

Роман Покровский

**Легенды Лазурной
Юдоли. Принц Аглианта**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Покровский Р. А.

Легенды Лазурной Юдоли. Принц Аглианта / Р. А. Покровский —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Казалось бы, банальный сюжет завязан вокруг противостояния жителей Лазурной Юдоли и таинственных "пришельцев извне" - наравков во главе с телепатом Арсиксом Троеруким и первородным грехом Гневом. Цикл невероятных случайностей (или нет) сводит вместе совершенно разных и непохожих героев - бывшего гвардейца, ставшего защитником слабых, гордой аристократки, внезапно осознавшей ответственность и едва выжившего подмастерья Солона, ставшего принцем Аглианта. Первый том не даст ответов на нужные вопросы, не раскроет всё полностью, ибо это лишь зачаток большой истории Лазурной Юдоли.

© Покровский Р. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Лазурная Юдоль	12
Глава 2. Мой старый друг	34
Глава 3. Сфера Вечности	50
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Пролог

На небе солнце вновь скрылось за облака. Это продолжалось в течение всего дня – солнце то появлялось, ослепляя всех ярким светом, то наоборот, скрывалось за серыми облаками, навевая какую-то неведомую тоску. Хотелось скрыться от этой серости, не дожидаясь лучшего, и просто ждать, ждать и ждать...

Но в этом городе, в этом месте, напоминающем что-то среднее между базаром и площадью, всегда было очень многолюдно. И как следствие, очень много шума. Народ не переставая о чём-то галдел между собой. И создавалось ощущение, что говорили они все разом. Именно все говорили, но никто никого не слушал. Как будто бы только и выбрались из дома, чтобы вдоволь пошуметь.

Их слова были неразличимы, напоминали какое-то южное наречие, на котором излагались как раз только на этом самом юге и больше нигде. Но этот город изо дня в день слышал только одно и то же, без надежд на какие-то изменения.

Сквозь толпу, казалось бы, пытаясь оказаться незамеченным, пробирался один человек, которому совершенно не было никакого дела до происходящего вокруг. Он куда-то торопился, слегка толкая случайных прохожих плечами... И, будь это любой другой, за такую наглость его просто тупо бы покалечили. Но не в этом случае.

Этого человека выдавал его наряд. Поистине королевский, пусть местами и потрепанный там, где не надо. Было видно, что этот человек абсолютно не следил за своим внешним видом. Это точно не король – одного лишь яркого одеяния мало. Надо было видеть его лицо...

Под глазом красовался только начавший проходить светло-лиловый синяк, под губой красовалась болячка, судя по всему, последовавшая после удара сбоку. Так же несколько ссадин по всему лицу явно говорили о не слишком благородном образе жизни этого человека.

В руке он крепко-крепко, прижимая прямо к сердцу, нёс позолоченный мешочек с тугой перевязкой. Он старательно прятал его от посторонних глаз, но мало чего получалось. Все видели эту некую драгоценность, но никому не было до этого дела. Все были и так по уши в своих проблемах, и проблемы чужих их нисколько не заботили.

Больше всего он боялся карманных воришек, которые любили шнырять в таких больших толпах, где проще всего выхватить у незадачливого прохожего его поклажу и незаметно в толпе скрыться с ней. Этот вариант был для человека просто сходен со смертью, а может быть даже и хуже неё.

И самым необычным было то, что этого человека знали в этой толпе абсолютно все. Знали намного лучше, чем любого другого прохожего. И должны были дружно расступаться перед ним и кланяться. Но уже очень давно перестали это делать. Потому что привыкли видеть своего принца именно таким – покрытым синяками и ссадинами, и бешеными, почти сумасшедшими глазами. Который абсолютно ничего в этой толпе не замечал. Может быть, и замечал, но всё игнорировал. Так же, как и толпа игнорировала его.

«Это уже давно не моё» – прокатилось у него в мыслях. «Равно как никогда и не было моим, и никогда не будет. Я ненавижу каждого, кто сейчас проходит мимо меня, я готов плюнуть в лицо каждому, кто сейчас хотя бы мимолётом смотрит на меня. Забудьте про то, что я существую, забудьте про то, что видите именно меня. Забудьте...».

Неожиданно какая-то твёрдая рука оказалась на плече у Принца, но тот ни капли не содрогнулся, как будто уже давно этого ожидал. Он лишь понимающе моргнул, когда вторая рука схватила его под руку и потащила куда-то. Принц нисколько не сопротивлялся. Он прекрасно знал, кто эти люди и что они делают. Хотя даже и не пытался смотреть на их лица.

Два человека с весьма крепким телосложением волокли Принца в сторону пустующего переулка, а затем завернули за какой-то особняк, туда, где было больше травы, но меньше пыли и посторонних лиц.

Оба парня были одеты в одинаковые чёрные кожаные безрукавки, и даже пострижены были идентично. Но никаких родственных связей между ними и в помине не было, потому как различались они и чертами лица, да и фигурами тоже. Хотя мышцы на их руках были одинаково накачены и напряжены.

Принцу до такой идиллии было очень далеко – он сильно похудел за последние время, и руки его напоминали сухие сучки, две косточки, обтянутые бледной кожей. Один только вид его внушал жалость.

Парни без какого-либо сожаления к нему, кинули его прямо на землю, после того, как пришли к месту назначения. Ноги принца, заметно обессиленные, подкосились сразу же, и, не в силах сопротивляться самим же себе, рухнули на землю, утащив с собой и своего хозяина.

– Ты всё принёс? – послышался Принцу очень знакомый голос.

Принц приподнял глаза и увидел того, кого и ожидал увидеть – молодого высокого человека лет от силы двадцати трех. Принцу и самому было только чуть больше, но вид этих двух личностей было невозможно сравнить. Владелец этого хамоватого и высокомерного голоса был чрезвычайно ухоженным парнем, облаченным в новейшее и чистейшее голубое одеяние, аккуратно причесанным. Даже кожа его была идеально ровной, без каких-либо дефектов.

– Всё, как мы и договаривались, – чуть слышно пробормотал Принц, с трудом поднимаясь с колен.

И он протянул свой драгоценный мешочек своему собеседнику. Рука его дрожала как никогда, а во взгляде была малейшая доля надежды на что-то лучшее.

Молодой парень презрительно вытащил это из рук Принца и, проверив рукой его тяжесть, принялся развязывать. Но Принц слишком туго перетянул его, и сделать это было не так уж и просто. Гораздо проще было разрезать это ножом и посчитать. Так парень и поступил.

– Тут втрое меньше, чем должно было быть! – словно недовольный ребенок, воскликнул молодой человек, пересчитав сверкающие золотые монетки.

– Но... Мы договаривались именно на такую сумму, барон Арриен, – обреченно произнёс Принц.

– Договаривались? Ты пропал две недели после того самого разговора! Я устал ждать, отсюда материальный ущерб за моё ожидание!

Принц ясно понимал, что с ним поступили более чем несправедливо. Но он ничего не мог с этим поделать. Он мог только так же долгие полусидя-полустоя ожидать свою участь. Он уже привык к этому. Это давно являлось словно системой, которую не поломать нормой, установленной извне.

– Но... В казне больше нет денег... Я ничего не мог поделать...

– Это не мои проблемы, а твои, где есть деньги, а где их нет! Я должен их лишь получать!

Голос Арриена был всё же чуть высоковат. Как будто он восемнадцатилетний юноша. Бороды-то у Арриена и вовсе не было. Но это их наследственное, отличительный признак благородного дома Арриенов. Все высокие, стройные, красивые, но безбрадые. И даже говорят, что Арриен унаследовал у предков способность красиво петь. И красиво говорить.

– Почему ты не мог сразу сказать? – испуганно спросил Принц.

– Потому! – барон наградил Принца звонкой пощёчиной, от которой он даже пошатнулся, а на лице остался красный след от нежной ладони. – А теперь что? Что теперь ты скажешь?

– Пойми меня, барон, будь хоть на каплю человечным... У меня и так полно других долгов...

– Я тебе сто раз говорил, что меня это не должно волновать! Мы с тобой договаривались, и всё должно быть честно. Но ты решил, что находишься выше нашего договора.

Принц ожидал, что Арриен сейчас ещё раз шёлкнет его по лицу, но тот почему-то воздержался. Наверное, боялся повредить свою беленькую ручку. Или просто остерегался измазать её об Принца. Скорее всего, и то, и другое. Но Принцу было всё равно. Он почти не обращал внимания на боль, она уже не была столь важной.

– Мне требуется время, барон... Дай мне время!

– Я тебе давал очень много времени, достопочтимый! – воскликнул Арриен. – О чём ты думал раньше, когда только начинал ввязываться в игру? Ты должен был правильно распределять свои возможности! Тебе не дано было выиграть у меня. Но ты оказался очень упёртым! Ты всегда желал отыграться! Пытался, пока не кончилась...

– Но я, – пытался вставить своё слово Принц.

– Молчать! – словно умалишённый, закричал Арриен. – Ты занимал у меня деньги, чтобы отыграться! Занимал МОИ деньги, чтобы проиграть их мне же! Ты же умалишён... Энтоэн Умалишённый! Я думаю, что народу понравится это прозвище.

– Позволь... – Принц безуспешно пытался вставить своё слово в монолог Арриена, но это у него плохо получалось.

Арриен просто издевался над Принцем всё это время. Эта хитрая особа отлично жульничала, и никто не мог уличить его в этом. Принц исключением не оказался. Он оказался зависимым от Арриена. Он приходил к нему вновь и вновь, принося всё больше и больше золота, с желанием оказаться лучше, чем он. Но неизменно он уходил проигравшим и униженным. Арриен начал казаться ему каким-то божеством, и Принц, сам того не желая, в душе стал поклоняться ему, как государю. Хотя ведь формально было всё наоборот.

– Король помойки! Ни на что не годный. Куда же ты будешь распределять налоги казны? Если у тебя не хватает денег, чтобы обеспечить даже самого себя.

– У меня есть силы исправиться, – пролепетал Принц, вновь привстав с левого колена.

– Боюсь, что эти слова уже утратили всякий свой смысл. Они являются лишь эхом себя же прошлых. Я даже не представляю, что ты должен для этого сделать.

– Прости мне долг, – из-за безысходности сказал Принц.

– Чего? – скривил лицо Арриен. – Ты, наверное, ещё больше умалишённый, чем я думал раньше. Наивный, словно маленький ребёнок. Просишь меня о том, что и бездомный бродяга боится попросить... Моя гордость никогда не позволит это сделать.

И Арриен гордо поднял свой баронский нос. Идеально ровный, поистине нос аристократа. Да и вся внешность Арриена сейчас как нельзя под это подходила. И манера речи, и все его привычки... Что ж, поистине прекрасен, но в то же время и отвратителен этот человек.

– Я весь в долгах, – пробормотал принц, убрав в сторону упавшие на глаза растрепанные, неделю не мытые волосы.

– Я знаю об этом. И, всякий из них, кто встретит тебя сейчас, обойдётся с тобой намного хуже, чем я. Ты даже станешь видеть во мне друга.

– Так же говорит и каждый из них. А обходятся плохо...

– Ну, если ты хочешь называть их друзьями, то не буду тебе мешать. Я не ввязываюсь в их дела, меня волнуют только свои. И ты сейчас – мой главный мозоль. Я бы втоптал тебя в эту землю, или отдал бы на съедение свиньям, но твоя смерть не принесёт никакого толка. Только мне на душу грех...

Принц знал, что Арриен не допустит смерти Принца при любой развязке. Уж очень ценил он этот свой источник дохода и наверняка догадывался, что в будущем он сможет ему неплохо послужить.

– Сейчас я ничего не смогу сделать, – обреченно сказал Принц.

– То же самое ты скажешь тем ребятам с восточного района города? Те, у которых ты покупал тот волшебный порошок, делающий тебя счастливым. Наверняка, ты задолжал им не меньше, чем мне.

– Ты прав...

– От них вечно скрываться не получится. Или долг, или смерть. А то и рабство. Наверное, такая судьба точно не по тебе? Этот порошок... Белая смерть... Просто развоплотил тебя. Я не знаю, как правильно его называть, да честно, и не хочу. Но искренне жалею тебя... Жалкий, грязный, бесполезный бродяжка.

Теперь уже Арриен ударил его не ладонью, а кулаком. Своим нежным любимым кулачком. Однако какая-то сила в кулаке всё же присутствовала. Арриен влепил ему уже не с такой злостью, что несколькими минутами ранее, но всё же это было не очень приятно.

Принц пошатнулся и упал...

– Ты вожделеешь его, – презрительно промолвил Арриен. – Этого белого порошка. Даже смотреть на тебя такого невыносимо.

Арриен развернулся и отошёл на пару шагов.

– Завтра я тебя встречу на том же самом месте, – проговорил он. – И только попробуй не явись. Ты догадываешься о том, что будет. Хуже, чем через пару минут.

Принц знал, что будет через пару минут. Эх жаль, ссадины ведь только начали заживать. Хотя какая уже разница – Принц не видел себя в зеркале уже очень давно как, его уже не интересовало, осталось ли там хотя бы одно живое место или же его там нет совсем.

Самый первый удар пришелся Принцу по носу. Его нанёс ногой один из прислужников Арриена. Что ж, обычно такой удар производил сам барон, а сейчас почему-то он стоит в стороне и только с кривой улыбкой смотрит на происходящий процесс. А ведь у барона больнее получалось. Сапог у него был мало того что жесткий, так ещё и с металлической подкладкой на носке. Как будто специально для этого предназначенной.

Из носа Принца бешеной струей потекла багровая кровь. Нос был теперь уже точно сломан. Но, это было только началом. Удар второго вышибало ногой в живот хоть ничего не сломал, но заставил принца упасть на пол безвольной тушкой. Следующие удары Принц уже не запоминал. Его просто избивали, а он валялся в грязи и терпел. Глаза его были открыты и обреченно смотрели на ноги избивающих. По лицу его почти не били, может быть даже и из жалости. А вот всё остальное не жалели.

Принц думал о том, что же будет дальше. Что ж, отличная поза для того что бы думать. Конечно же, не сравнится с тихими королевскими покоями, со всеми благостями и уладами. Но это не его покои. Королевство, равно как и его столица принадлежат не ему. Даже близко не ему. Арриена, несмотря на его видимую молодость, можно назвать одним из самых влиятельных людей города, а в перспективе может быть и самым влиятельным. У них там своя подпольная игра, в которой Принц не участвует. И, даже если бы участвовал, был бы далеко не самым главным фаворитом. Скорее всего, его бы и там втоптали в землю. Прямо точно так же, как сделали это сейчас.

Арриен подошёл к туше трясущегося Принца и с детским интересом заглянул тому в лицо. Окровавленное лицо из-за перелома носа. Даже на земле была разбрызгана кровь, и туника Принца так же была безнадежно испорчена.

– Даже смотреть на тебя противно, – с ещё большим презрением произнёс барон, плюнув прямо в лицо Принцу. – Мразь... До скорой встречи.

После этих слов Арриен развернулся и ушёл. Теперь уже насовсем. Точнее до завтра. Принц знал, что сегодня барон уже больше не побеспокоит его.

Парни, минуту назад избивающие Принца, безропотно пошли вслед за Арриеном. Никто из них не рискнул даже взглянуть на Принца без разрешения на то своего барона. Что ж, повезло этим парням. Могут вдоволь и почти когда угодно избивать самого Принца Аргельтона. Энтоэна Умалишённого. Невелика честь конечно.

– Ненавижу, – попытался крикнуть вдогонку Принц, но получилось только что-то вроде хрипа.

Он был обессилен, но у него хватило сил ещё улыбнуться своим обидчикам. Где-то справа у него недоставало зуба. Но, это произошло не после сегодняшнего события, а намного раньше. Тоже в подобном случае. А в каком уже именно, Принц позабыл.

Подождав, пока Арриен и его люди полностью скроются из виду, Принц с огромным трудом поднялся. Рёбра вроде бы не сломаны. Это значит, что ему ещё повезло. Бывало, конечно, и хуже. Но сейчас было безумно стыдно. Принц не являлся настоящим принцем, он представлял из себя полное ничтожество, что сейчас он как раз вновь показал.

Он направился к выходу из этого злосчастного переуллка, держась за левый бок. Ребра были целы, но печень, скорее всего, отбили. Но это не являлась принципиально важным, пора бы Принцу и забыть про эту травму. Надо что-то предпринимать. Но мыслей в голову не приходило. Мать, то есть Королева, никогда бы и ни за что не сказала Принцу, где прячет всё золото, даже если бы тот пригрозил ей смертью. Уж слишком непреклонна она была, и нисколько не боялась смерти. В отличие от своего непутевого сына.

Теперь уже не особо чувствуя боли, Принц пробирался вновь через толпу, только лишь на этот раз в другом направлении. На него по-прежнему никто не обращал внимания. Не замечали они даже и окровавленного лица своего государя. Видимо, им не впервой приходилось наблюдать за подобной картиной.

Прямо в красивом фонтане в форме лебедя в центре площади Принц умывал своё лицо. Толпе, конечно, могло и не понравиться подобное поведение, но они ничего не говорили. Пусть они и не кланяются этому человеку, но он является их принцем. И независимо от их внутренних убеждений, внешне они показывать ничего не имели права. Может это и не совсем правильно, но таков закон.

Вскоре в городе начало уже смеркаться, и люди наконец-то начали покидать улицы, принявшись прятаться по домам. Теперь никто не задевал плечи Принца, и он мог спокойно продвигаться дальше, преодолевая боль в печени.

В такое время, несомненно, был риск напороться на преступников и получить от них такую же серию ударов, сродни той, что Принц ощутил на себе буквально полчаса назад. Но Аглун Хед считался относительно спокойным городом, где уличная преступность пресекалась ещё более могучей преступностью.

Замок Королевы находился практически в центре города. Его красивые башни были так высоки, что виднелись почти из любой точки города, и всегда можно было найти к нему дорогу.

Но Принц не хотел заходить сейчас в замок. Он не хотел попадаться на глаза ни матери, ни слугам, ни любой другой родне. Им уже осточертел вид и вообще присутствие Принца. Они уже не считали его за своего родного. Все, за исключением матери. Она всегда, в любом виде любила сына и всегда плакала о нём. Лишь только при народе она являлась суровой и волевой женщиной, и то когда-то давно. А там, где всё внимание ограничено от посторонних глаз, она являлась заботливой и любящей матерью.

Но сейчас Принц этого не ценил. Он уже и не знал, что сейчас хочет и о чём мечтает. Смысл жизни уже давно угас для него. С каждым днём он всё более и более осознавал свою никчёмность, и уже вперед никакой дороги не было. Никаких перспектив и никакого будущего. Даже тот факт, что уже сравнительно скоро он может стать королём, нисколько не внушал оптимизма. *Как можно властвовать тем, над чем не имеешь власти?* Власть в городе поделена между несколькими личностями, и Королева там не на первом месте. Ещё хуже будет с Энтоэном.

Он никчёмен. Он не понимал, почему изо дня в день употребляет тот самый белый порошок. С того самого дня, когда он первый раз попробовал его, уже не мог оторваться. И каждый день ему приходилось всё хуже и хуже без него. Приходилось любой ценой доставать лекарство для себя. Занимать, красть, но доставать. Ощущать на какой-то период непомерное счастье, а затем снова возвращаться в этот ад. Ад, из которого уже нет выхода.

Сейчас путь Принца лежал не в свои покои, а в королевские конюшни. Они были уже не так наполнены хорошими лошадьми, как раньше, но всё так же достаточно благоустроены. Несомненно, когда-то тут были толпы наилучших коней, но сейчас их количество сократилось втрое, а то и вчетверо. Виною тому, конечно же, то, что на трон села женщина, а не мужчина, как раньше.

Там, в самом отдалённом стойле, стоял, наверное, один из самых лучших коней королевства. И принадлежал этот конь Принцу. Наверное, самая ценная вещь, на данный момент принадлежащая ему. Он прятал её до самого последнего момента и никогда не рисковал продать, для того, чтобы купить волшебного порошка или отдать долг барону Арриену. Всё-таки оставалось в нём ещё что-то человеческое. Коня этого подарил Принцу герцог Эсгрибур, из западной части королевства. Он знал, что подарок этот очень дорогой. Выращенный на лугах Коносогории – страны коневодов.

Эта скотина очень любила Принца. Хотя непонятно за что. Принц ни разу не участвовал с ней в боях или в чём-то подобном. Он использовал коня максимум для того, чтобы прокатиться по свежим полям окраины города в свободное время. Устраивая отдых и себе и коню.

– Ну что ж. Пора прощаться, – произнёс Принц, аккуратно проведя рукой по пушистой гриве питомца.

Принц жалел, что так и не успел придумать имя для коня, которого мог даже считать своим другом. Но теперь уже поздно – торгашам на рынке будет всё равно, как зовут скотину – лишь бы живой была.

– Денег, полученных с твоей продажи как раз хватит, чтобы уплатить долг барону Арриену, – прошептал Принц на ухо коню, всё так же не отпуская руки от гривы.

Конь недовольно фыркнул. Он понимал всё, о чём говорил Принц. И понимал, что новый хозяин любить его так не будет. Если вообще не пустит его на мясо и шкуру.

– Ты не хочешь прощаться, брат? Я знаю. – Принц секунду промолчал, после чего гордо промолвил: – Южный Ветер... Ты всё-таки получишь имя. Я не имел права проводить тебя без него.

Конь ещё раз недовольно фыркнул. Он не понимал, что у Принца просто не было другого выхода, он не понимал, что является всего лишь вещью, которую можно купить и продать. И, он даже разочаровался бы, узнав, что хозяин способен так сделать.

Там, в углу хлева, в сундуке находится ещё и заветный сундук. Там Принц всегда берёт неприкосновенный запас золота, но его всё-таки пришлось постепенно опустошить, чтобы лишиться некоторых долгов. Всё, что осталось в сундуке сейчас – это одеяние Принца, которое он спрятал сюда, чтобы потом продать, и заветный коробочек, в котором хранилось немного заветного белого порошка.

Платье можно продать, но его цены не хватит, чтобы отдать даже половину Арриену, не говоря уже о других долгах...

– Южный Ветер... Я вижу, ты меня непустишь? Я тоже... Тяжело, и я не могу с этим справиться... Ты предлагаешь мне выбираться из этой ямы вместе... Но куда? Глаза и уши моих врагов повсюду и у нас ничего не получится... Но... Шанс есть.

На этот раз конь сам головой потёрся о плечо хозяина. Принц сразу почувствовал там боль, ведь плечо эти парни ему тоже неплохо отшибли. Но он вновь не обращал на это внимания. Лучший друг рядом – а значит, что в эти минуты бояться нечего. Разве что только самого друга, но он ничего злого не причинит.

– Мы обречены, – произнёс Принц, – но если останемся, лучше не будет. Что ж, в добрый путь! Я даже новое чистое платье надену

Так Принц покинул свой город. Судя по всему, навсегда, потому что последние три с половиной месяца его ни тут, ни на окраинах никто не видел. Не сказать бы, что Арриен и другие лидеры были от этого в бешенстве – таких, как Принц в их распоряжении было выше кучи.

Но всё же стоило бы только Принцу появиться в этом городе, он бы не обобрался проблем. Не тех, что были раньше, а намного хуже. Голову бы сохранить, ибо о сохранности остальных частей тела речи и вовсе не было.

А Королева всё это время плакала. Плакала по своему последнему сыну, пусть и такому непутёвому. Несомненно, она не верила в то, что он погиб. Она надеялась на самое лучшее. На то, что однажды ворота города откроются и впустят внутрь Принца Энтоэна на его на Южном Ветре – красивый, нарядный и счастливый! И сразу заиграет музыка, и застучат барабаны, возвещающая о возвращении Принца. Ах, жаль, что это будущее почти утеряно.

Глава 1. Лазурная Юдоль

I

Его звали Геррер, и он почти неподвижно сидел в самом углу Таверны дядюшки Кюрия. Его суровые черты лица гармонично скрывались за большим, но потрепанным капюшоном, и мало кто мог их досконально разглядеть при таком тусклом свете.

Человек не торопясь покуривал трубочку, набитую дешёвым табаком, и делал вид, что кого-то очень ждал. Хотя, разумеется, Геррер никого тут не ждал, да и некого было ему тут ждать. Он лишь проводил тут своё свободное время, коего было не так уж много, да и тратил последние гроши, что у него остались.

Так и сейчас – он взял на свои последки две больших кружки не самого лучшего пива, к тому же ещё и тёплого. Но он попил его пусть и с монотонным выражением лица, но всё же с долей удовольствия. Которую, правда, никто не мог заметить.

– Вы ничего больше не желаете? – подбежала молоденькая служанка к Герреру, явно стараясь ему во всём угодить.

– А ты разве не видишь, что я ещё и первую не допил? – грубым и сухим ответил ей мужчина.

– Может быть, вы хотели бы чего поесть? Мало кто может устоять перед моей яичницей.

На этом слове служанка страстно облизнула губы, выражая якобы удовольствие от придуманной яичницы. Геррер понимал всё, что она хочет. Но больше всего не хотел сейчас именно этого.

– Я не голоден, – стиснув зубы и отвернув от девушки голову, сказал Геррер, явно давая этим понять свои намерения.

Хмыкнув, служанка мигом убежала, не оставив ни малейшего следа своего пребывания. Геррер был очень рад этому известию. Его всё выматывало за эти дни, и он не хотел никакого общения, никаких лиц рядом и тем более никаких девушек.

Хотя если Геррера побрить и одеть в более пристойные одежды, то спокойно можно было его назвать и красивым мужчиной. Не принцем, конечно, но всё же очень приятным для глаза. На вид ему было не более тридцати двух лет. А точнее, ему было двадцать девять, пусть щетина и чуть скрывала его истинный возраст.

Он не думал о своей внешности – пусть этим занимаются аристократы. Геррер думал только о том, как правильно жить и выживать. Он не имел огромного достатка, поэтому каждая монетка, пришедшая ему в карман, имела для него огромный вес.

Но Геррер был рад спустить её сюда, в таверну, на пиво. Не именно в эту таверну, а совершенно в любую. Ведь Геррер не имел постоянного места жительства, а потому постоянно находился в разных городах. Временами даже в странах.

Тут, в таверне дядюшки Кюрия, он появлялся всё же чаще всего. И место, за которым он тут сидел, было его излюбленным и постоянным. И мало кто в отсутствие самого Геррера садился сюда.

Геррера не считали тут чужаком, но мало кто знал имя этого человека. И очень мало, кто слышал его голос. В этом месте Геррер не общался ни с кем. Он просто сидел на самом отдаленном месте в одиночку и следил за тем, что происходит тут.

Вон там вон – в другом углу – сейчас развяжется драка. Что-то не поделили между собой два безумно пьяных мужика. Наутро они даже не смогут припомнить, что именно, да и вообще могут и не узнать об этой потасовке.

Драка, как понял Геррер, так и не успела начаться, оттого, что один из мужиков под грузом своего пьяного тела и неконтролируемостью своих пьяных ног рухнул прямо на стол, уставленный стаканами и тарелками...

Что ж – не повезло ему... Убыток, который понесёт трактирщик за это, будет выплачен из кармана этого самого мужика. Который ещё с утра будет недоумевать, почему именно он, а не кто-то другой. Но потом со всем смирится, помирится и со своим оппонентом, и с трактирщиком, и будет так же дальше приходить сюда ежедневно, снова что есть сил напарываться и непременно ломать.

Ну а сейчас домой – спать. С этой целью его и потащили куда-то его друг и один из охранников-вышибал. Сам этот мужик встать был уже никак не в состоянии. Он и говорить-то уже не мог, что-то пытаясь бормотать под нос. Но ничего не выходило. Ох и рада же будет его «благоверная» такому вот появлению мужа. Настолько рада, что огреет его несколько раз сковородой или палкой, после чего заботливо уложит спать. Всё-таки любит его до сих пор. Не зря же трех детей от него нарожала. Может и больше – Геррер об этом не знал. Всё это были лишь его догадки. И вообще ни о чем они не говорили.

Табак в трубке у Геррера закончился, а потому он приступил к пиву, сделав один большой и глубокий глоток. Пиво в первой пинте закончилось, а потому можно приступить и ко второй.

Пиво в этой таверне не сказать что бы было самым лучшим. Скорее оно было самым выгодным по цене. От того, что тёмное пиво привозили сюда не гномы из подземелий, а делали прямо в деревнях на их пивоварнях. А светлое поставляли сюда не лесные эльфы, а брали его вообще невесть откуда. Но народ не жаловался – его сюда приходило ото дня в день очень много, и прибыль постоянно капала в карман хозяину трактира. Наверное, зажиточным человеком он являлся, и в жизни не имел много трудностей. Тем более, таких, как у Геррера.

Народ постоянно ходил тут туда-обратно и постоянно о чём-то галдел. Это точно не было местом для серьёзных раздумий. Так как думать под такое вот собрание инородных и непонятных звуков не представлялось возможным.

В таверну почти незаметно вошёл, возможно, даже прокрался человек, который был очень знаком Герреру. Но толпа проходивших мимо людей не давала разглядеть его лицо, оттого Геррер всё никак не мог понять, кто же это.

Он очень выделялся из толпы своей ухоженностью. Ведь это место больше предназначалось для простолюдинов, которые пришли сюда отдохнуть после тяжёлого рабочего дня.

А эта личность была одета в длинный шитый зелёный плащ, возможно даже эльфийской работы и красные дорогие сапоги из бычьей кожи. Он был гладко выбрит, а так же аккуратно причесан. Его белые прямые волосы были гармонично зачёсаны назад, придерживаемые какой-то черной лентой.

Чёрт подери, да это же Ферцен! Геррер просто не мог не узнать его, пусть и не видел его лица уже почти два года! Оно ведь всё равно за это время ничем не изменилось. Изменилось только его одеяние – из строгого гвардейского в элегантное аристократическое. Оно ему походило намного больше, чем старое, но Герреру всё же не нравилось. Хотя какая разница, в чём ты увидел своего старого друга?

Ферцен, словно шальной, ходил вокруг да около, выискивая себе свободное место, и не замечал Геррера. Тот впервые за долгое время натужно улыбнулся и промолвил:

– Вы, верно ищете свободное место, молодой человек?

Ферцен обернулся не сразу, а только тогда, когда понял, что слова адресуются ему. Всё-таки этот малый так и не изменился за то время, что не виделся с Геррером. Всё такой же растерянный и смешной. И сейчас его глаза были буквально выпучены от изумления.

– Здесь свободно, – ещё раз произнёс Геррер.

– Геррер, – произнёс Ферцен. – Ты?

– Ферцен... Конечно я.

Ферцен в испуге кинулся на шею другу и долго обнимал его, пока эмоции всё-таки не утикли. Геррер и сам был несказанно рад такой встрече, хотя и не так ярко показывал свои эмоции. Всё-таки его образ это ему не позволял.

– Как ты тут оказался? – спросил Ферцен, подсаживаясь на лавку напротив.

– Я частенько бываю тут, но тебя почему-то ещё не видел.

– Да я тут почти не бываю. Не очень нравится это место. Хотя всё-таки довольно уютно.

Геррер всё больше и больше вглядывался в Ферцена и не переставал удивляться. Он несколько не изменился. И он не был гладко выбрит, как могло показаться раньше. Нет же! У него просто не было бороды! Были несколько бесцветных смешных волосинок на подбородке и ничего более. Всё точь-в-точь, как было тогда, в день их знакомства.

– Я тебе поражаюсь. Раньше за милую душу в таких заведениях уплетал всё, что угодно, а сейчас...

– Нет, я не брезгую, – не дал договорить другу Ферцен. – Просто могу позволить себе лучшее.

Даже тут Ферцен не изменился. Всё так же хвалится тем, что чего-то добился. Делает из себя зажиточного дворянина. Правда вот, плохо получается.

– Что же тогда ты сейчас сюда пришёл?

– Сегодня не так много денег, – произнёс Ферцен. – И, к тому же, я говорил, что тут весьма уютно... Где служанки? – громко крикнул он.

В этот же миг к нему подбежала та самая молодая девушка, что несколько минут назад обхаживала Геррера. Сейчас же она намного суровей глядела на него, будто намереваясь ему чем-то отомстить. Только вот непоколебимый взгляд Геррера в чём-то даже насмеялся над ней.

– Что изволите отведать? – всё так же, с изображенной нежностью спросила она.

– Два пива... Мне и моему другу, – произнёс Ферцен, своим голосом явно пытаясь ей понравиться.

– Какого именно?

– Знаешь... А давай-ка любого. Неважно какого. Я плачу!

Геррер ещё раз улыбнулся, глядя на друга. Он не переставал его и смешить, и удивлять. Ферцен явно пытался понравиться Герреру и сверкнуть каким-то новым положением. Каким же, интересно?

– Ты неподражаем, друг, – пробормотал Геррер.

– А она хорошенькая, – ответил Ферцен. – Я к ней ещё приду как-нибудь...

– О да... Как поживаешь, старый друг? Мы так и не удосужились это спросить друг у друга.

– Вполне хорошо, – ответил Ферцен. – Видишь, даже денежки начали иметься. Только вот после твоего ухода из гвардии как-то не так стало. Без тебя там явно чего-то не хватает.

– Давай только не будем об этом, – махнул рукой Геррер. – То решение я обдумывал долго и сделал правильный выбор. Я просто-напросто исчерпал себя там. Оставил там всё, что только мог.

– Тебя никто за это не осуждает. Я и сам покинул её. Правда, не так давно, как ты, а всего лишь три месяца назад, но уже вспоминаю её как будто давно позабытое.

Вспоминая Ферцена как бойца, Геррер подумал, что Гвардия мало что потеряла с его уходом. Вот когда уходил Геррер, гвардейцы действительно переживали. И не делали вид, что переживают, а действительно переживали. Оттого, что Геррер всегда был одним из самых лучших. Нет, не в силе и не в технике владения оружием (хотя и там он был далеко не промах). Козырем Геррера являлась его рассудительность, педантичность и точность. И она зачастую всех поражала.

Ферцен всегда стремился к нему, но даже близко у него это не получалось. Он сносно обращался с клинком, хорошо стрелял с лука, но почему-то ему всегда это мало чем помогало. Место Ферцену было не на поле боя, а во дворцах, на должности вельмож. Только вот из-за скромного происхождения места Ферцену там бы точно не нашлось.

– Вот так вот и прекратили мы своё обитание в Гвардии, – сделал заключение Геррер. – А ведь если разобраться, нам можно много что веселого вспомнить о тех временах.

– И на несколько минут даже снова вернуться туда, – продолжил Ферцен.

– А ты прав... Былую молодость вспомнить...

– Молодость? – удивился Ферцен. – А ведь мы... А ведь ты... Действительно стал старше. И не брился, наверное, пару недель...

– Чего не скажешь о тебе, – усмехнулся Геррер. – Всё такой же, как в день нашего знакомства.

– Хватит подшучивать надо мной... Мне тогда было не более пятнадцати, а ты был на три года старше. Я должен был измениться с тех пор.

– Ну конечно мы изменились, – хлопнул друга по плечу Геррер, – И ты, и я.

В это время к столику подошла служанка, снова строя глазки Ферцену. Тот отвечал ей взаимностью, только Геррер не понимал, хорошо ли у него получается или нет. Во времена службы в Гвардии Геррер не вспоминал, чтобы у Ферцена были какие-то связи с девушками.

– Поставь сюда, – сказал ей Ферцен, переведя взгляд куда-то пониже её подбородка.

Девушка аккуратно поставила две пинты пива на стол, окинув ещё раз Геррера своим недовольным взглядом. У неё это плохо получалось, даже вызывало у Геррера смех. Эта особа была проста, как неизвестно что и казалось, что даже думать не может. Безусловно, в голове у неё что-то и было, но что-то не очень целесообразное.

О да, он потерял такое счастье из-за своей грубости. Даже неизвестно, что теперь делать. Пора искать веревку и мыло. А то под хмель Герреру очень хорошо удаётся думать о всякой чепухе. Непристойной для его сурового образа...

– Честно, за последнее время так много всё изменилось, – вдруг начал Геррер,

– Не спорю, – ответил Ферцен, делая солидный глоток свежего светлого пива, – только я удивляюсь, почему все эти два года я нигде не видел тебя?

– Знаешь, у меня к тебе такой же вопрос, – с улыбкой ответил другу Геррер.

– У меня всё гораздо проще. Я всегда был в этом Айвин Клум, в Гвардии. Меня не так сложно было найти. Я практически всегда был в этом городе...

– Тут ты прав, – ответил Геррер, – А я, словно странник, скитаюсь по всему Королевству, и не имею постоянного места жительства...

– Как ты дошёл до такого? – содрогнулся Ферцен.

– Это мой выбор, я сам его выбирал. Ты же знаешь, что в Королевстве у меня нет ни единого родного человека. А разыскивать их на востоке мне не очень охота.

Да и не в желании вовсе дело, а в возможности. Куда должен был отправиться Геррер, чтобы найти себе пристанище? Уж не на Дьявольские ли острова? Или куда ещё хуже. Увы, Геррер не помнил, где его родина. Он оказался в Айвин Клум в совсем ещё детском возрасте, когда самое сложное, что он мог запомнить, так это своё имя. Уже позже от кого-то узнал, что попал сюда из восточных земель. Так что выбор там не ахти какой большой – восточнее Лармании находится только Ореентис, а там живут люди с бронзовой кожей, каким Геррер и близко не являлся. Однако были между Ореентисом и Родевилем острова, и в это происхождение Герреру верилось куда больше. Люди, а точнее их варварское проявление, как пишут в толстых томах мудрецы, преобладает на островах Алмакидах. Есть все шансы, что Геррер является как раз варваром с востока.

Другое дело Ферцен – утончённая особа, как могло бы показаться с первого взгляда. Поначалу можно было бы и подумать, что этот человек происходит из дворянской знати. Но это было далеко не так. Отцом Ферцена был нищий рыцарь, который умер, едва сыну исполнилось пятнадцать. Именно поэтому он и оказался тогда в Гвардии, потому что выбор был невелик. А именно – голодная смерть или служба.

– Я бы сам с радостью вернулся сейчас в семью, – сказал Ферцен. – Я же ведь помню, что у меня была сестра. Накоплю денег и непременно найду её.

– Тебе хотя бы есть кого искать, – с ностальгией промолвил Геррер, сделав ещё больший глоток пива, как будто он помогал ему забыться.

– Не переживай, друг, – успокоил его Ферцен. – Придёт время, и ты сам найдёшь своё пристанище и будешь счастлив...

– А ты счастлив сейчас? – неожиданно спросил Геррер, словно перебив Ферцена.

– О чём ты?

– Ну, как ты мне сейчас рассказываешь, ты начал богатеть...

– Ты про это? Я даже не знаю, что ответить тебе. Это намного лучше того, что было в Гвардии. В Гвардии был святой долг, но слишком мало денег. Мы боролись не за себя, а за престиж государства. И прежде всего за его величество.

– Воля короля непреклонна, – промолвил Геррер, – И, будь я подданным этой страны, следовал бы слепо ей до сих пор. А сейчас блуждаю даже в карнарских землях, но постараюсь находиться подальше от тамошних владык.

– С королём ты всегда был в хороших отношениях.

– Можно сказать, даже в дружественных, – продолжил Геррер. – Но он никогда меня не слушал. Всё время гнул свою линию. Даже если сомневался в себе же. Тот лишь факт, что он король, не позволял ему кого-то слушать.

– В Гвардии ходили слухи, что ты ушёл из-за него.

– Про тебя, Ферцен, я уверен, сейчас там тоже немало слухов ходит. Ты же тоже ушёл.

– Увы, моя ценность в Гвардии была ограничена. В отличие от твоей. Зато сейчас моё место в жизни гораздо важнее, чем было раньше.

Геррер понимал, что Ферцен сейчас ходил всё вокруг да около, и не осмеливался прямо сказать, чем же он сейчас занимается. Геррер, конечно очень сомневался, что Ферцен связался с преступностью – ему это совершить не позволила бы та же совесть. И смелость, коей в Ферцене было не так уж много.

– Уж не связался ли ты с бандитами? – решил пошутить Геррер.

– Я не знаю, – ответил Ферцен, и этот ответ немного удивил Геррера.

– Как?

– Жизнь научила меня только получать деньги, не задумываясь, откуда они. Знаешь ли, чем меньше знаешь, тем крепче спишь. Это и ко мне относится.

– Я бы на твоём месте был бы осторожнее, – предостерег Геррер. – Не шути шутики с тем, кого знаешь не так долго.

– Я предельно осторожен. И, стоит только заподозрить что-то неладное, я прекращу всё это.

– Какую же работу ты выполняешь? – спросил Геррер, хотя и понимал, что Ферцен не очень хочет отвечать на этот вопрос.

– Непыльную. Я очень осведомлён об этих местах, а так же о Карнарии. Потому я помогаю иностранцам в изучении многих мест. Тех, о которых они хотят знать...

– А не кажется ли тебе это странным, друг мой? Это что, их чисто любознательный интерес? Не думал ли ты никогда, что они что-то ищут тут?

– Думал, – невнятно ответил Ферцен. – Но это не моё дело. Я тебе уже об этом говорил. Я получаю деньги и молчу! Молчу, и никто больше не знает о том, кто я и чем занимаюсь.

– Не заводишь. Не к месту. Просто я рекомендую тебе быть осторожнее...

– Об этом я и сам знаю!

– Верю тебе. Можешь ли хотя бы для примера привести то, что именно ты им рассказываешь?

– Нет! Я же не расспрашиваю тебя о твоей работе. Хотя мне временами тоже очень интересно, где ты обитаешь и чем занимаешься...

– Можешь успокоиться, – сказал Геррер. – Я никого не убиваю.

– Я тоже! А значит, совесть моя чиста и никто...

– Но ты же боишься закона, – чуть тише сказал Геррер, и по взгляду Ферцена понял, что сказал он чистую правду.

– Не в этом дело, – перевёл разговор Ферцен. – А в том, что закон сильнее меня. И сильнее тебя, если на то уж пошло.

Геррер решил не отвечать, а только понимающе кивнул, отпив снова пива. Третья его пинта была полна лишь наполовину. Однако в мозгах Геррера хоть и присутствовал хмель, но совершенно в небольших количествах. В отличие от Ферцена, который даже не допив свой первый бокал, смотрелся пьянее более крепкого друга.

Может быть, в его голове и засел хмель, но язык он ему не развязывает. Что-то он тщательно скрывает. Раньше, во времена службы в Гвардии, Ферцен после одного бокала тёмного бокала рассказывал все свои тайны, важные и неважные. Даже временами таким образом и становился душой компании. То были славные вечера отдыха, когда brave гвардейцы, собравшись возле костра и сняв надоевшие доспехи, сладко потягивали пиво и разговаривали о чём-то хорошем. Тогда их суровые военные маски снимались, и все они на какое-то время становились людьми. Не теми бездушными инструментами, стоящими на страже или на блокпосте, а просто настоящими. Такими, какими их родила природа, а не сделала Королевская Гвардия.

– Только не стоит думать, что закон сильнее всего, – произнёс Геррер и тут же резко обернулся.

Дело в том, что раздался резкий удар, и дверь растворилась изнутри. Она буквально слетела бы с петель, получив бы хоть немного более сильный удар.

На пороге стояли трое одинаково одетых мужчин в красных капюшонах и белых плащах. Двое из них, что стояли слева и справа, сжимали в руках заряженные арбалеты, и поочередно направляли их на всех посетителей таверны, чтобы те не вздумали вскочить со своих мест.

Геррер был ошарашен таким поведением этих лиц, но первым напасть не смог. В конце концов, никто не знал, с какими намерениями они здесь. И совершенно точно можно было утверждать, что это не закон. То, о чем только что сказал Геррер, практически воплотилось в жизнь. Есть ли что-то сильнее закона? Скорее всего, есть и сейчас они находятся на пороге этой таверны.

Все посетители медленно расступались, когда эти трое пробирались мимо них. Девушка, разливающая пиво, вообще неуклюже спряталась за ту самую бочку, откуда виднелись только её ноги. А пьяный мужчина, который уже плохо понимал, что тут происходит, забрался на стол, и, словно военнопленный, поднял руки вверх.

Однако эти трое полностью игнорировали всё, что тут происходит. Так как направлялись они именно к столу, где сидели Ферцен и Геррер. Только сейчас начала ощущаться их волшебная притягательность. Будто бы манило от них чем-то неизвестным. Тем, что нельзя описать.

– Сомнения не подвели, – монотонно произнёс средний, тот, что был без арбалета, – Ферцен Рейгер здесь.

– Что происходит? – в бешенстве воскликнул Ферцен.

– Именем закона, ты арестован.

Монотонный голос чужака так и не поменялся. Несмотря на то, что голос был несколько не груб и не хрипл, было в нём что-то то, что делало его владельца старше, чем он выглядел на самом деле. Хотя сквозь низко опущенный капюшон прослеживалось, что чужаку было не больше 27-28 лет... Может быть, всё это только иллюзия, но она давала о себе знать.

– Я не понимаю, о чём вы? – не мог успокоиться Ферцен.

– Я думаю, что ты знаешь об этом больше чем я. Поэтому именем закона...

Геррер не выдержал и вскочил со своего места:

– Законом в этом городе правит только Королевская Гвардия!

В руках Геррер уже держал невесту откуда появившийся блестящий кинжал. Тот самый, которого его так и не смогли лишить после ухода из Гвардии. Хотя по правилам всё это было королевским имуществом и должно было быть возвращено обратно.

– Если бы у тебя был хотя один малейший шанс в битве с нами, я бы принял бой, – сказал незнакомец

– Не сомневайся, я его найду, – плавно промолвил Геррер.

Чужак впервые изобразил что-то наподобие улыбки. Проследились его идеально белые и ровные зубы. Интересно, как он за ними ухаживал на протяжении всех своих лет?

– Садитесь! – произнёс чужак, глядя прямо в глаза Герреру.

Словно какое-то наваждение случилось, но оно заставило Геррера безропотно сесть обратно. Ему казалось, что в глазах иноземца на какое-то время загорелся жёлтый огонёк, через полсекунды потухший, но оставивший за собой немалый след.

– Я не понимаю, что вам от меня нужно? – не переставал униматься Ферцен, даже когда его поднимали с насиженного места два чужака, убравшие арбалеты. На их спинах, помимо арбалетов, грозно красовались по чуть изогнутому мечу в великолепных ножнах.

– Слово Кодекса, мы не нанесём тебе вреда во время ареста, но про наравков узнаем всё. – произнёс чужак, и тон его заставлял поверить в эти слова.

– Кто вы и зачем здесь? – чуть слышно спросил опешивший Геррер.

Чужак медленно остановился, и чуть обернувшись, произнёс, эффектно сняв капюшон:

– Я Клай. Клай Вурраэ.

И он протянул Герреру руку – тот акт, который от него точно никто не ожидал. Следуя понятиям настоящего мужчины, Геррер пожал её, хотя бы не стал скрывать, что делать ему это отнюдь не хотелось. Имя своё он называть не стал, так как это было явно незачем. Друзьями они с Клаем уже не станут, и вообще вряд ли ещё когда-нибудь увидятся.

Геррер молча проводил четверых взглядом. Он отлично понимал, что ничего не сможет сейчас сделать. Только сидеть и смотреть, как уводят друга. Это рассудительность никогда его не губила. Кинься он сейчас в открытый бой – не выжил бы. Троица неплохо вооружена, и, похоже, что неплохо владеет тем, что имеет. Так что Геррер мало того что не спас бы Ферцена, так ещё и сам бы тут же полёг. Его тело сразу бы унесли куда-нибудь, и вся таверна забыла бы об этом случае. Как будто его и не было.

II

Далее действие переносится на север от королевства, называемого Ларманией, названного так по имени своего античного героя, проживавшем там несколько сотен лет назад. Переносится в соседнее королевство Карнарию со столицей в городе Аглун Хед. Когда-то эти два государства были единым королевством и носили название Великого Геркола, страны Трёх Великих Обителей. Но с тех пор уже минуло так много лет, что только одно упоминание об их количестве может вызвать непонимание.

Это было даже ещё до великой Последней Войны Аламонты, изменившей всё. Изменившей мироздание и отношение ко всему остальному. Даже тогда, по сути, это были две разные страны, два разных народа, соединённые вместе одним знаменем. С чего всё начиналось? Мудрейшие могут сказать, но их сейчас не сыскать. Наверное, с того, что страна начала разделяться на провинции, в каждой из которой постепенно устанавливались свои порядки и своя обыденность. Так, судя по всему, и разделились на южан и северян. Войн в те времена никто не припоминает, получается, что всё тогда обошлось мирно и без кровопролития.

И в действительности, минуло уже очень много лет, а разница между северянами и южанами не менялась. Менталитет менялся только совсем чуть-чуть, но всегда только в одну сто-

рону. Карнарцы всегда смотрели будто бы сверху на своих южных соседей, ощущая их более низшей расой, нежели они сами. Они, даже, наверное, радовались тогдашнему разъединению. Иначе они бы стали такими, какими считают южан.

Не сказать бы, что северяне просто ненавидели своих южных соседей, и считали их за отброс общества. Они по-прежнему были в хороших отношениях друг с другом, по-прежнему взаимосвязь между королевствами была куда крепче других союзов с государствами Родевиля.

Дело в том, что чисто от природы у северян было больше высокомерия. Они считали именно себя первыми поселенцами Родевиля – единственными чистокровными людьми на этой земле. И действительно, карнарское население в своём большинстве являлось чистокровным человеческим. Да, в своё время многие лорды держали у себя в рабстве тёмных эльфов павшего Дородриана, но после отмены рабства в Карнарии эта традиция канула в прошлое.

Ларманцы же были более гостеприимны. Не зря же ведь во времена Великой Войны их называли Страной Мира. Ибо сюда стекались все расы этого мира, и чувствовали себя тут как дома. За одним столом в таверне могли сидеть эльф и гном, мило болтая за кружкой пива о событиях, происходящих в разных уголках континента. Не являлась диковинкой свадьба человека и эльфа. Да о чём тут можно говорить – сам король этой страны являлся наполовину эльфом, а наполовину представителем другой, какой-то древней и ныне почти вымершей расы.

Отсюда и причины этого лёгкого недолюбивания: люди не очень любят тех, кто отличается от них. Древность помнит много войн между людьми и другими расами. Сейчас, конечно такую войну трудно представить – людей стало слишком много, гораздо больше, чем эльфов и гномов – двух рас, что некогда составляли серьёзную конкуренцию людям.

«Южане были словно дикари для северян. Не такие, как восточные дикари, но только чуть проще. Южане, наверное, умеют только пить и драться. Ни о какой высокой культуре у них не может идти и речи. Они её утратили тогда же, когда утратили и нас. Сейчас это просто затхлая страна анархистов. И им никогда не дотянутся до нас».

Конечно, это было просто провокационное высказывание, до такого редко когда доходило. Но именно так думал профессор Сёгмунд и именно это он втолковывал своим многочисленным ученикам. Те внимательно его слушали, и некоторые даже соглашались с его мнением, но некоторые попросту не воспринимали его как данность.

Причиной такой дискриминации Сёгмунд считал свою великую силу. Неизвестно, действительно ли это было так, или просто он слишком зазнавался, но до должности ректора Солнечной Академии он дослужился. Вернее сказать, даже не дослужился. Он сам основал тут Академию сорок пять лет назад, когда популярная в то время Инквизиция превратила другие школы в руины.

В действительности, Солнечная Академия была не такой уж и солнечной. Солнце в этих краях было нечастым гостем. Гораздо больше сюда любил «захаживать» снег. И туманная погода являлась здесь настолько обычным явлением, что все к ней давно привыкли.

Конечно, Солнечная Академия находилась в самой северной точке Карнарии. А север и без того не самых жарких земель обещал быть именно таким. Наверное, это было идеальное место для размещения Академии – на краю Королевства, как раз там, где было меньше всего поселений. Граничит с Латьенскими землями – но все знают, что сейчас они полупусты. Никто сюда не сунется – ни случайные разбойники, ни Пресвятая Инквизиция, теряющая своё влияние год за годом. И хотя у профессора Сёгмунда есть разрешение на обучение волшебству, лишний раз видеть их лица вовсе не хотелось.

Никто из бывших коллег тут не беспокоит Сёгмунда, и поэтому он спокойно может дописывать свои многолетние труды. Пособия для обучения магии, природа магии и другие фолианты по этой теме. Быть может, в будущем, эти книги будут очень полезными для цивилизации, но сейчас никто о них, кроме самого профессора и его некоторых приближенных, даже не знал.

Колдовская академия была единственной в западной Карнарии, и профессор Сёгмунд очень гордился этим. Он считал себя просветителем, буквально спасителем этих земель и никогда это не скрывал. Он думал, что все обитатели Академии обожают его и превозносят к небесам, словно божество.

В свои восемьдесят семь лет он просто отлично себя чувствовал, и ощущал, что может прожить ещё не менее двадцати лет. Он не употреблял омолаживающие зелья, которые, по его мнению «омолаживали тело, но старили душу». Сёгмунд пользовался снадобьями, сваренными им же самим и ни кем другим. Но это были не более чем витамины, напиток для поддержания тонуса.

Кабинет профессора находился на самой верхушке гигантского семнадцатизэтажного здания Академии, там же он и жил. Выходил оттуда редко, так что ходить ему много не приходилось. Разве что только провести пару лекций в неделю, да произвести осмотр этажей здания. Все нужные люди сами приходили в кабинет к ректору сами.

Люди! Да, именно люди и никто больше! В Академии не было ни единого эльфа, и уж тем более гнома или представителя другой расы. Сёгмунд даже пренебрегал тёмными эльфами в качестве дешёвой рабочей силы. Поэтому всю работу ученики выполняли сами. И особо на это не жаловались. Ради своего же любимого дела старались ведь.

Сёгмунд всегда наблюдал за своей академией со счастливой улыбкой. Он верил, что собирал великую армию, которая всегда готова слепо следовать за ним. Нет, профессор не планировал захвата мира при помощи своей «армии». Его просто радовал тот факт, что этих людей делает по сути он сам. Они стали теми, кем стали именно благодаря ему. И таких уже набралось больше тысячи. Да и сколько ещё будет? Несомненно, жизнь свою Сёгмунд посвятил этому. И будет дальше жить ради этого до конца своих дней, когда бы они не наступили.

Он знал абсолютно всё, что происходит сейчас в Академии. На всех семнадцати её этажах. И никто не понимал, как это возможно – уследить сразу за всем одновременно, к тому же не покидая своего кабинета.

Сёгмунду было даже неинтересно, но приходилось много видеть. Так же и сейчас он видел какую-то лекцию, на которую совершенно того не желая, обратил повышенное внимание. Наверное, просто день сегодня был слишком скучным, и профессору хотелось перевести дух. Прямо сейчас он мог уснуть. Прямо сидя.

Там, где-то в углу, на задних партах сидели два друга, совершенно ничем не примечательные собой, и не выделявшиеся из толпы. Лекционная аудитория была огромной – тут собралось более сотни студентов, и все, словно один были одеты в чуть нелепые чёрно-синие формы.

Был слышен скрип перьев по всему залу. Он очень раздражал уши, но другого выбора не было – много кому хотелось учиться постигать магические знания, а для этого надо было записывать всё, что слышишь.

Бэрз и Солон не писали ничего. Они даже практически не слушали того, что говорил суровый, но глуховатый и подслеповатый лектор. Очки его были настолько толстыми, что сквозь их стёкла глаза его были просто огромные, словно у жабы. И выглядело это очень смешно. Солон даже пытался зарисовать его, но случайно капнул чернилами на листок, и все старания его прошли даром. Даже Бэрз не успел оценить это «произведение искусства».

Это было последнее занятие на сегодня, поэтому, когда зазвенел колокол, означающий перемену во всей Академии, радость нахлынула на Солона и Бэрза. Лекции просто выматывали их умы. Гораздо интереснее было посещать практические занятия. Там и эмоций получишь сколько надо, и обучишься истинным чудесам колдовства.

Коридор двенадцатого этажа, на котором только что проходила лекция, был битком набит людьми. Одетыми пусть, как на подбор, одинаково, но отличающихся друг от друга практически всем. Да и в шайки они собирались подходящие. Изысканные дворне, богатые и ухоженные, шли по коридору и никого не сторонились. Крепкие деревенские парни, гораздо более

скромные, чем остальные. Кучка красивых девушек. И, словно в противоположность им, кучка некрасивых девушек.

Даже Бэрз и Солон заметно различались между собой. Бэрз – очень высокий и худой, чуть согнутый в спине. Солон же считал себя абсолютно обычным. Прямые белокурые волосы спадали до самых плеч, серые глаза не выдавали ни благородства, ни какой-либо искры. Ростом, как считал Солон, он и вовсе не вышел. В особенности, смотря снизу вверх на своего лучшего друга.

Впрочем, вглядываясь порой в самого себя в зеркале, Солону приходила мысль, что он даже красив и вполне походит на дворянина, коим, к превеликому разочарованию, не являлся.

– Лекция была что надо, – сквозь шум пробормотал Солон, – я чуть было не уснул.

– Я бы тебе не позволил, – усмехнулся Бэрз. Говорил он заметно медленнее, нежели Солон.

– За три года, что я учусь тут, абсолютно ничего не изменилось. Профессора не меняются. Как и содержание их лекций.

– Это была философия, – развёл руками Бэрз. – Там всегда рассказывают одно и то же. Только в разной форме.

Сейчас они проходили мимо очень интересного места. Они уже привыкли лицезреть это каждый день, но никогда не могли пройти мимо такого. На помосте стоял низкий толстячок лет двадцати четырёх, скорее всего тоже ученик старших курсов. Его тут называли Пророком. Он, наверное, и учился на факультете Прорицания, но из всего факультета только он один высказывал всё, что он думает, открыто.

– Мы все в опасности! – говорил, буквально восклицал он. – Наша Академия в опасности! Она сгорит в своей же агонии, помяните же мои слова, братья! Она является началом конца – всё начнется и закончится здесь! Сами небеса начинают воевать против нас! И первыми на их пути встаём мы – Адепты Солнечной Академии!

Многие считали этого человека сумасшедшим. И действительно – своими повадками он давал думать только такое. Он изо дня в день говорил о каких-то опасностях, предостерегающих нас в скором времени, но никогда они не сбывались. Всё было так же как и раньше. Но удивительным было не это, а другое. Если люди подходили к Пророку поодиночке, он всегда говорил им правду. К счастью, эти самые сбывшиеся пророчества были не особо замысловатыми. Даже близко не достигали такого вселенского масштаба, о котором он рассказывал всему проходившему народу.

– И, самое страшное – мы являемся их же инструментами! Мы же и должны принести им помощь, уничтожившую нас! Я не прошу – я умоляю! Внемлите моим словам!

Бэрз медленно покрутил пальцем у виска:

– Это неисправимый придурок, – сказал он.

– Пошли отсюда, – ответил Солон. – Хотя... Может быть, скинем его с помоста, а потом спустим по лестнице?

– Ты чего? – испугался Бэрз. – Пошли уже!

И друзья пошли дальше. Им предстоит спуститься все 12 этажей пешком, так как магический лифт двигается только вверх. А телепортами разрешено пользоваться лишь преподавателям. Печально конечно, но Солон и Бэрз не преподаватели. И такого будущего у них точно нет.

Академия на переменах была просто переполнена различными приключениями. Адепты просто не могли проводить своё время спокойно, несмотря на достаточную строгость профессора Сёгмунда.

Повсюду устраивали разные конкурсы, прямо в коридорах тестировали различные заклинания, и всё в таком духе. За это подлежало бы наказание, но зрители ни за что не смогли бы переловить всех хулиганов. Их было тут очень много, и по большей части – от 16 до 20 лет. Были, конечно, и постарше, даже лет по 27, но это являлось сравнительной редкостью.

– Может, тоже попрактикуемся? – неожиданно предложил Солон. Запал аж сверкал на его лице.

– О чем ты? – спросил Бэрз.

– Тут многие зря времени не теряют. Отрабатывают заклинания, которые недавно выучили.

Около окна стояли несколько девушек с курса Солона. Безусловно, они были знакомы, и Солон хотел показать себя для них в лучшем свете. Может быть, они и обратят на это внимание. Хотя, не исключен вариант, что они просто не заметят двоих юношей из огромной толпы, где каждый желает что-то показать.

– Не хочу я в это ввязываться, – отринул предложение Бэрз, и собрался было идти, но Солон его остановил:

– У нас закончились занятия на сегодня, и целый день свободен. В нашей памяти уйма заклинаний, но мы ими не пользуемся!

– Забыл про соглашение с инквизиторами? – неожиданно проговорил Бэрз.

– Нам разрешается делать в этих стенах что угодно. Смотри, чем тут занимаются все адепты. Передвигают что-то. Что-то перевоплощают. Всё это так несерьёзно. Предлагаю устроить дуэль!

– Чего? – недоумевал Бэрз.

Солон, похоже, был сегодня в очень хорошем расположении духа, и ему хотелось куда-то выплеснуть все свои эмоции. Такие приступы с ним случались, но не очень часто. Вечно витающие в его голове посторонние мысли мешали ему столь же безрассудно, как и сейчас, пускаться на авантюры.

– Род Баззари посчитает вас трусом, – с неожиданно появившимся благородным тоном проговорил Солон. – Если вы отринете эту дуэль, Бэрз Баззари!

И он грациозно вытащил свою волшебную палочку из внутреннего кармана. Словно и не деревянная эта палочка была, а шпага. Несомненно, всё, что произнёс сейчас Солон, было голосом сарказма. Но говорил он непривычно медленно для себя и непривычно грациозно. Словно он сын герцога, а не ремесленника.

– Ладно, – недовольно ответил Бэрз, неуклюже вытаскивая и свою палочку.

Палочки у друзей отличались друг от друга. У Солона она была длинной и тонкой, с украшающим её основание янтарным камнем.

У Бэрза, как уже говорилось ранее, палочка была короче и толще. И там, где у Солона красовался жёлтый камень, была выгравирована змейка, несколько раз опутывающая рукоятку. Всё-таки она смотрелась не так дуэльно, как палочка Солона.

– Ты в ответе за это, – предупредил Бэрз, отходя на необходимое расстояние.

Всё адепты, наполняющие это помещение, начали незамедлительно расступаться, когда поняли, в чём дело. Разумеется, никто из них не собирался уходить отсюда. Наоборот, всем было интересно, что произойдёт, и как будет протекать этот процесс.

– Это не обсуждается, – с диким азартом сказал Солон, скидывая с себя мантию и отдавая её подержать какому-то случайному зрителю.

Однако его немного разочаровало то, что девушки, стоящие у окна, на это не обращали никакого внимания. Что ж, до самого интересного ещё далеко. Будет время и им удивиться.

Солон принялся засучивать рукава белоснежной рубашки, на груди у которой гордо красовался значок Факультета Стихий – жёлтая молния на фоне звёздного неба.

Бэрз не так старательно готовился к «поединку», как его друг, но мантию тоже решил снять. Её тут же подхватили восторженные зрители и отдали её самому маленькому юноше – наверное, первокурснику.

Неожиданно появившийся секундант дал сигнал о начале боя, и Солон принял красивую стойку, будто в руке его действительно была шпага, а не палочка. Бэрз его энтузиазма не разделял, но по его лицу было понятно, что сдаваться он не собирается.

И едва только секундант успел махнуть рукой в знак начала боя, как Солон исполнил свою первую же атаку. Она была незамысловатой, и Бэрзу не составило труда отразить её и ответить своим контрвыпадом.

Заклинания летали, словно заведенные. Но они не особо выделялись разнообразностью. Ведь друзья не стали бы использовать даже сравнительно мощные заклинания – это всё-таки шуточная дуэль, а никак не настоящая. Да к тому же, особо много заклинаний Солон и Бэрз не знали. Да даже теми, которые знали, толком пользоваться не могли.

– Bravo! – завопила толпа, когда Солону удалось очередное заклинание.

После него Бэрз получил фиолетовый заряд в грудь. Но он был не смертельным, тем более что Бэрз начал отлетать с непривычно замедленной скоростью. Он даже сделал несколько пируэтов в воздухе, прежде чем по-искусственному упал.

Это выглядело забавно, но едва успев упасть, Бэрз безмолвно взмахнул палочкой. Это действие было довольно простым, но в то же время и весьма острым. Невидимая нить должна была откинуть Солона далеко назад, если бы он не успел отразить этот выпад контратакующим заклятьем.

Бэрзу досталось неплохо, гораздо сильнее, чем Солон ожидал. Паренька откинуло ещё дальше, и он спиной врезался в прямо стоящую за ним статую профессора Сёгмунда. Статуя, словно игрушечная, сразу же раскололась на несколько частей.

Это было просто катастрофично – статуя с грациозным, ещё молодым профессором стояла тут все те сорок пять лет, что существовала Академия, и никому ещё до этого не удалось её сломать. Никому, пока не появился Солон.

Откуда ни возьмись, прямо из зеркала, стоявшего у правой стены коридора, возник сам профессор Сёгмунд. Не каменный, а настоящий, и выглядело это ужасно.

Появление его, как и всегда, было эффектным. Поначалу зрители в зеркале, помимо своего отражения, начали видеть надвигающегося ректора, который, приблизившись, вышел из зеркала, деформировав его. Это чем-то напоминало нырок из воды.

– Что тут, чёрт подери, происходит? – вне себя от ярости прокричал Сёгмунд.

Все, кто присутствовал в радиусе слышимости этих слов, мгновенно замерли в ужасе. Что уж говорить, профессор выглядел очень бодро для своих преклонных лет. И голос его был отнюдь не старческий. К тому же он почти не полысел за свой срок – его седые и сухие, словно солома, волосы были неопрятно растрепаны в стороны. Ещё у него не было никакой необходимости носить очки. А зря – так он был бы больше похож на профессора.

– Вы что, повывлетать все захотели? – прокричал Сёгмунд, но голос его уже был скорее сиплым, чем грозным.

Толпа, словно пятно, стала расползаться и постепенно уменьшаться. Все разбежались, так как очень боялись гнева своего ужасного ректора. И было чего бояться – о жестокости его наказаний ходили легенды. Хотя, к слову, из ныне обучающихся, эти самые жестокие наказания никто на себе не испытывал.

– Моррисон, Баззари, проследуйте за мной, – промолвил профессор Сёгмунд, и его голос был уже абсолютно спокоен.

Похоже, и вправду Сёгмунд видел всё, что происходит в Академии, даже находясь в своём кабинете. Создавалось такое ощущение, что у него тысячи глаз, а не два. Может быть, так оно и было, но несколько в ином смысле.

– Но мы... – начал было оправдываться Бэрз.

– Молчать! – вновь повысил голос ректор. – И проследуйте за мной.

Солон и Бэрз поняли, что лучше промолчать, так как может быть хуже. Отчисление из Академии не смотрелось бы в этом случае самым худшим. Если конечно легенды об ужасном профессоре Сёгмунде не врут.

Как обычно бывает в подобных случаях, Солон пожалел, что не послушал осторожного Бэрза. За три года знакомства Солон уже успел понять – Бэрз не трус, но боится всего. Не в том смысле боится, когда по коже бегут мурашки и течёт холодный пот. А в том, что всегда видит в возможном будущем только негативные события. Если Солон задумывает какую-то шалость, Бэрз несомненно будет бояться ещё не состоявшегося наказания. Это произошло как раз сейчас, и этот раз не оказался для мыслей Бэрза исключением.

Профессор Сёгмунд беспрепятственно прошел сквозь зеркало, словно на том месте было не стекло, а воздух. Тот же самый трюк предстояло повторить Солону и Бэрзу, и они успешно с ним справились.

Дорога сквозь зеркало была чуть тяжелей, чем сквозь обычный воздух. Словно это пространство было в несколько раз плотнее.

Эти зеркала как раз и являлись одним из видов телепортов, доступных преподавателям, но не студентам. Что ж, зато таким способом Солон и Бэрз поймали возможность воспользоваться ими. Раньше перемещаться по телепортам не приходилось, и вряд ли в обозримом будущем придётся.

Совершенно недолгая дорога через отражение коридора – и троица выходит из другого зеркала – того, что располагается в кабинете у профессора Сёгмунда. В этом кабинете Солону приходилось бывать раньше. Но всего один раз и на далёком первом курсе обучения. Естественно, что Солон почти не запомнил это место, и сейчас видел его как будто впервые.

Ректор деловито сел за свой стол, заваленный всякими книгами и непонятными инструментами. Для чего они были предназначены – совершенно непонятно. Может быть для пыток, а может для науки. Лишь только наличие глобуса и вращающегося вокруг него спутника придавали оптимизм.

– Рассказывайте, что там произошло, – совершенно спокойно и адекватно сказал профессор Сёгмунд.

– Извините, пожалуйста, но это случилось совершенно случайно, – принялся оправдываться Бэрз.

– Баззари ни в чём не виноват, – выгородил друга Солон. – Это я спровоцировал его на дуэль. И, в конце концов, я провёл ту атаку, после которой мы разбили статую.

– За неё можно не беспокоиться, – сказал профессор. – Мы живём не в какой-то деревне, а в небольшом волшебном мире. Поэтому статую легко восстановить. Скорее всего, с ней уже всё в порядке.

Это всё же немного успокоило Солона и комок в его горле словно растворился. Он не повредил академического имущества, а значит, наказание должно быть не таким суровым, как он ожидал. По крайней мере, ни его, ни Бэрза не должны отчислить из Академии. И, тем более, не будет речи ни о каком телесном наказании.

– Могу ли я верить вашим словам, Моррисон? – спросил ректор.

– Целиком и полностью, – непоколебимо ответил Солон.

– Тогда герр Баззари может быть свободен.

В эту фразу Сёгмунда верилось слабо. Но Бэрз, едва только услышав эти слова, мигом раскрыл дверь и тут же смылся из кабинета ректора, как будто его тут и не было. Солон ни в чём не обвинял сейчас друга – был уговор заранее о том, кто примет вину на себя.

– Я не буду расспрашивать, зачем вы это сделали, Солон, – сказал профессор, едва только Бэрз скрылся из вида. – Я знаю, что ты не найдёшь на это причины. Даже я понять не могу, что творится в ваших молодых головах.

Наедине профессор Сёгмунд казался не таким монстром, как представлял в глазах студентов. Наверное, та личина была лишь его образом, чтобы завоёвывать авторитет и внушать страх. Может быть даже уважение. Но в этой обстановке показывать ничего Сёгмунд не должен был. Тут уравниваются шансы и права собеседников. На время.

– Всё произошло случайно, профессор.

– Ничто не происходит случайно, Солон. Но не в этом дело. Я не собираюсь зачитывать тебе лекцию по философии. И исправлять тоже, потому что это невозможно.

Солон слушал ректора и не рисковал перебивать. Потому что знал, что переменчивое настроение Сёгмунда в миг может обратиться гневом. А испытывать его на себе не очень хотелось.

– Статуя стояла тут долгие годы, и ты оказался первым, у кого это получилось. Каждый год происходит что-то из ряда вон выходящее, и всегда это событие оказывается уникальным. Ты хочешь, чтобы об этом узнал твой отец?

– Мне всё равно, профессор. Я не видел своего отца почти четыре года. С тех пор, как он отдал меня сюда.

– А я видел, – полушёпотом сказал Сёгмунд. – И он всегда спрашивал у меня о тебе. Его интересует твоя судьба, он до сих пор тебя любит. И мечтает, что бы ты оказался лучше него. Чтобы ты чего-то добился.

– Но он не смог до конца воспитать меня сам. Отдал сюда и резко пропал.

– Ты многого не понимаешь, мой юный друг. Ты помнишь, в какой бедности вам приходилось пребывать в последнее время? Во всяком случае, я слышал. Отец оказал тебе услугу, отдав сюда. Ты получаешь бесплатное образование и бесплатный приют.

– Но меня он не спросил, – неожиданно отрезал Солон.

– Я знаю, что ты хотел бы сейчас находиться в семье, в тепле и уюте. Здесь никто не может обеспечить семью, но на уют и дружескую обстановку никто никогда не жаловался.

Сёгмунд привстал со своего кресла. Видимо, ему тоже не сиделось на месте, несмотря на старые кости.

– Когда я впервые увидел тебя, Солон, я сразу многое понял. В тебе было что-то такое, чего не было в ровесниках. Поэтому ты и оказался тут. Фактором твоего пребывания здесь было не только желание твоего отца, но и моё желание. Всех обучающихся здесь в какой-то мере нашёл я сам.

Это был довольно обыденный момент, когда Сёгмунд решил похвастаться своими успехами. Естественно, он не ездил по городам и не устраивал смотров юных (или не очень) волшебников. Практически всегда приходили к нему. И не с родителями, как Солон, а в одиночку.

– Меня часто посещало ощущение, что отец просто хотел избавиться от меня.

– В какой-то мере это так. Но он хотел избавить тебя от бедности. Которая окружала и его, и тебя.

Сёгмунд медленно прошёл в сторону своего балкона, и жестом попросил Солона проследовать за ним. Там, за дверью располагалась обширная площадка под открытым небом. Это был сад. Необыкновенной красоты. Расположенный на высоте шестнадцати этажей. Сначала показалось, что это лишь иллюзия, которую вызвал своим колдовством профессор Сёгмунд, но потом оказалось, что это вовсе не так, и каждый листик был вполне себе осязаем.

– Знаешь, к чему я тебе всё это говорю сейчас? – спросил Сёгмунд.

– К чему же? – поинтересовался адепт.

– К тому, что мне нельзя тебя отчислять. Хотя следовало бы выгнать и тебя, и герра Баззари. Но твоя самоотверженность, когда ты принял вину на себя, всё поменяла. Позволила отпустить Бэрза.

– Он действительно ни при чём...

– Да не в этом дело. Можешь пока не вспоминать о нём. Разговор идёт о тебе. Я потеряю многое, если напишу приказ о твоём отчислении. Ты перспективный маг и многого стоишь. Конечно, не такой как я, но до моего уровня мало кому удаётся достать.

Солону очень не нравилась самоуверенность ректора, но он не мог сказать об этом вслух. Хотя соблазн был, но это скорее маленький бес играл в голове у Солона и провоцировал на глупые поступки.

– Все провинившиеся студенты оказываются в этом саду. И только тут понимают, что мы бережем и вообще ради чего мы есть.

– Ради чего мы есть? – спросил Солон, не понимая полузагадок-полунамёков Сёгмунда.

– Сфера Вечности здесь, – совсем тихо сказал ректор.

– Сфера Вечности?

– Я знаю, что ты слышал о ней. Но слишком мало. Ты, да и все твои знакомые воспринимаете это больше как легенду, или вообще сказку.

– А разве это не так? – спросил Солон, уверенный в своей правоте.

Сёгмунд слегка ухмыльнулся и взглядом попросил Солона вновь следовать за ним. Теперь они пробирались сквозь благоухающие и цветущие деревья великолепного сада, куда-то в сторону центра.

Там Солон и увидел легендарную Сферу Вечности. Она не была впечатляющей – прямо в воздухе вращались вокруг сверкающего и горячего маленького солнца шесть идеальных шаров. Первые четыре были маленькими, но последующие два являлись просто огромными, словно защищали своих младших собратьев от опасностей, подстерегающих снаружи.

– Теперь-то веришь? – спросил профессор. – Сферу Вечности создали около тысячи лет назад, поэтому двух планет тут не хватает. В то время о них ещё не было известно.

– А я не верил нам, – пробормотал Солон.

– Ты должен понять, что мы должны её оберегать. Ведь малейшее повреждение, полученное вот этим вот шариком, может привести к концу света!

Солон всё это знал – был наслышан. Его взгляд приковала ещё одна планета. Это был самый маленький из всех шаров – красного цвета. И он медленно вращался вокруг третьей по счёту планеты, словно являясь её младшим братом.

– Ардррим тоже нельзя трогать, – сказал профессор. – Наш спутник является частью нашей планеты. У других планет, как видишь, тут нет спутников, но это больше недочёт. Никто не посчитал нужным прикрепить их сюда. А ведь у этих двух гигантов спутников полно.

– Лучше бы вообще их тут не было. Это же такая опасность – даже смотреть на такое!

– Ради этого мы её и охраняем. Сферу Вечности ведь нельзя уничтожить. Сам знаешь, чем это сразу же обернётся. Так что придётся нам её оберегать, как зеницу ока. Даже надёжнее.

– Мало ли сумасшедших, которым может прийти в голову совершить такую глупость?

– Немало, но мы ограждены от них. У Академии практически идеальная защита. Сам ставил. Эти заклинания ни один *Аламонт* не снимет, что тут говорить о других, рядовых магах.

– Наш святой долг защитить это сокровище, – в несвойственной для себя манере ответил Солон.

– Вот именно. Чем нас больше, чем мы сплочённее, тем и безопаснее. А такие поступки, как сегодняшний твой, только рушат эту идиллию. Ты обязан понести наказание, но никак не идущее в сравнение с отчислением или чем-то подобным. Конечно, живи ты лет двадцать назад, я бы наказал тебя интереснее, но телесные наказания у нас запрещены. Точнее, я сам же их и запретил.

– Что я должен сделать? – спросил Солон, теперь уже не ожидая самого худшего.

– В лес, который находится на границе с Новым Латьеном, мало кто осмеливается заходить просто так. Боятся латьенских лучников-полуэльфов. И тем более боятся там дежурить

ночью. Хотя, если честно, там не опаснее, чем в этом саду. Но сердцами наших адептов движет страх. Поэтому и дежурят в этом лесу только наказанные.

– Я согласен, – сказал Солон.

– Я не сомневался в тебе, Солон. Наказание может и понравиться тебе, если попадётся хорошая компания, и вы сможете должным образом провести время. Главное – не накручивай себе лишнего, и не навязывай свои страхи компании. И по возможности, сам не слушай их.

В душе Солон почувствовал облегчение. И не важно, что эти несколько ночей он планировал мирно поспать, а не шастать по лесам. Но эта воля ректора оказалась самой милосердной из всех. Солону даже пришла в голову мысль, что он является любимчиком Сёгмунда. Но... В этом человеке трудно быть уверенным, так же как быть уверенным и в его мотивах.

Но то, как страстно он изображал любящего учителя, просто поражало. Он не желает никому зла, он преподнёс наказание только от безысходности, и вообще он идеальный. И не только идеальный профессор, но и идеальный друг.

Что ж, поскорее бы минули эти несколько ночей дежурства, и жизнь вернулась бы в привычное русло. Солон, конечно, ничего не исправит, но хотя бы даст ему пищу для размышлений. А это уже многого стоит.

III

Наступал вечер. Ночь сегодня не будет такой тёмной, как была ещё несколько дней назад, но звёзды уже появились на синем небосводе. Столь прозрачном и чистом, что можно было утонуть в этих мириадах звёзд, и в этой пронизательной синеве, что сводила с ума своей загадочностью и беспечностью.

Пожалуй, сейчас было идеальное время для вечернего отдыха. И идеальная обстановка, лучше даже не придумать. Обсерватория Анистона возвышалась выше любого здания в городе, а потому лежать на самой её крыше, и изучать это загадочное место было настоящим удовольствием.

Для Гельфиды Анистон, дочери Георега сейчас не было большего счастья. Она лежала прямо на камнях. И лёгкий ветерок растрепывал её шикарные волосы по всему лицу. Но это приносило ей только большую радость, ведь после напряжённого дня её могло успокоить лишь только такое трепыханье весеннего ветерка.

Возле неё гордо восседал сокол-альбинос, и настороженно осматривался по сторонам, будто бы охраняя свою любимую хозяйку от посторонних опасностей.

– Лютик, ты тоже можешь отдохнуть, – сказала Гельфида своей птице, даже не поворачивая к ней своего взгляда.

Птица, будто бы поняв человеческую речь, повиновалась и опустила голову. Видно так она хотела дать понять своей хозяйке, что она итак уже отдыхает. Но ту было трудно провести.

– На сегодня ты свободен, Лютик, – сказала она. – Можешь полетать по городу и окрестностям, главное слишком надолго меня не покидай. Найди обратную дорогу!

Но последние слова Гельфиды говорила уже вдогонку, так как Лютик беспрепятственно улетел в просторы. Гельфида поднялась и подошла к перилам, что отделяли крышу от города.

Весь город был словно на ладони с такой гигантской высоты. Город был не таким большим, как Аглун Хед или Акра, потому его границы были видны прямо отсюда. Видно было буквально всё – от элитных высоких построек до низеньких избушек нищих районов.

С высоты птичьего полёта Гельфида любовалась городом и полётом Лютика словно в никуда. Сейчас Гельфида могла и сама почувствовать себя на месте Лютика, ведь она была так же высоко, как и он. И, смотря вниз на город, ей казалось, что она владеет всем этим, что она королева этого города и его неоспоримая и любимая владычица.

Лишь только с наступлением темноты она решила спуститься чуть пониже, на один ярус, где находилась сама обсерватория. На воздухе похолодало, и Гельфиде меньше всего хотелось, чтобы её сейчас продуло, и она заболела.

Её дед, герр Анистон, сидел на своем привычном месте, в своих смешных круглых очках, и что-то изучал. Гельфида с такого расстояния не могла бы распознать, что именно. Так как на его столе было разбросано сразу несколько карт (причём как карт звёздного неба, так и карт с изображением земной поверхности), много книг, и всяких вырванных листов бумаги, небрежно исписанных каким-то непонятным почерком, и с кучей всевозможных клятв.

– Гельфида? – хрипловатым голосом поинтересовался герр Анистон, предпочитая спросить, а не лицезреть свою внучку вживую.

– Я, дедушка, – ответила она.

Гельфида наблюдала за тем, как дед нашупал на столе здоровенную лупу и стал изучать сквозь неё карту. Одновременно и сквозь неё, и сквозь очки. Будто бы почерк был настолько мелким, что герр Анистон при возможности использовал бы тысячи линз.

– Как день прошёл? – спросил дед, хотя заранее мог догадываться об ответе Гельфиды.

– Всё как обычно, – ответила Гельфида, выражая лицом долю недовольствия.

– Ну да, ну да... Знаю, знаю... Мечи, стрелы и верховая езда...

– Ну да, а ещё метание ножей, – сказала Гельфида, уже понимая, в какое русло продвигается дальнейший разговор.

– Когда же ты всё это ребячество оставишь? Ты очень красивая, за тобой очередь рыцарей должна уже выстроиться. А свадьба – это всегда хорошо.

– Но не в моём возрасте.

– Конечно, не в твоём. Раньше надо было. Уже двадцать второй год, а всё... Тьфу...

Гельфиду ничуть не задевали слова деда, так как слышала она их каждый день. Примерно в это самое время. И знала, что её жизнь и пристрастия уже никому не исправить. Даже герру Анистону, которому в свои преклонные годы только на звёзды и на карты бы любоваться.

Весь кабинет деда был завален всякими странными вещами, среди которых были и измерительные приборы, и какие-то приспособления, напоминающие орудия пыток. И вообще вся обсерватория напоминала не обсерваторию вовсе, а дом либо алхимика, либо инквизитора.

Больше всего Гельфиду всегда привлекало изделие, которое дед называл глобусом. Этот шар с изображёнными на нём континентами и морями он с десятков лет назад создал сам. И всегда держал в самом видном месте.

Больше всего Гельфиде нравилось его крутить, будто бы герр Анистон только для этого его и создавал. Сам дед очень не любил, когда Гельфида это делала, и говорил, что «ещё немного и земная ось сорвётся, а планета укатится под стол». Только вот за более чем десять лет нравочений ничего не изменилось. Гельфида всё так же бесчисленное множество раз крутила глобус, а земная ось стояла на месте, будто приваренная наживо.

Среди синего моря гордо красовался Родевиль со всеми прилежащими ему островками, включая и «чёрные» Дархард и Блэкланд. Сверху, в такт реальности были нарисованы снега, огибающие границы Хайклума – страны грандиозных Альвенов. И пустые, словно выжженные земли кровавого Блуди-Хоствилля, и зелёные эльфийские земли, включая Новый Латьен, смотрелись очень живо и колоритно на этой карте. Как и горные Гельвенион и Коносогория, так и разноцветные Лармания и Карнария.

К востоку от Родевиля простирался примерно схожий по размерам континент Орендис, отличающийся главным образом тем, что вытягивался не с севера на юг, как Родевиль, а с запада на восток. Далёкие, не совсем понятные для родевильцев земли Республики Эмавиль, бывшей великой Империи Районар и чуть ли не сплошного берёзового леса Биркискогура, о котором из всего известного мира знали меньше всего.

Южнее же Родевиля находился целый архипелаг разных по размерам островов, по рассказам иноземцев заселённых странными чернокожими людьми. И уже ниже островов был изображён полумифический Татмос – южный материк, чуть меньший по размерам, нежели Родевиль. По словам деда, он смог лишь отобразить примерные северные границы континента, а вот южные, восточные и западные придумал сам.

– Многие современники пытались найти Татмос, – сказал герр Анистон, заметив сквозь свои толстые очки, как Гельфида внимательно изучает этот континент. – Да только половина из них высаживалась на межземельные острова, где многих поедали чернокожие каннибалы.. А те, кому удавалось вернуться оттуда посчитали найденные земли не островами вовсе, а севером Татмоса. Другие же миновали острова, но гибли в тех водах, что разделяют Татмос и Межземельные острова. Ибо прокляты эти воды и соваться туда не стоит. Они наполнены жаром, вода всегда кипит и плавит кили кораблей. А воздух настолько невыносим, что за считанные минуты сжигает кожу с лиц.

– А было бы интересно попасть туда, – неожиданно проговорила Гельфида.

– Даже думать об этом не смей, – предостерег её дед. – Я знаю, какая ты неисправимая авантюристка, но все эти моря точно не для тебя. Ты мне живой нужна. Живой, здоровой и красивой.

– А я такой и останусь. Не волнуйся, дедушка, без твоего ведома я тебя не покину.

– Без моего ведома. – проворчал себе под нос герр Анистон и продолжил. – Последними, кто посещал Татмос, были, наверное, Ульга Захеде и Нага Наваи. Только уже тысячу лет как они сгинули, и мы от них ничего узнать не сможем.

– Что за континент под названием Неизведанные Земли? – поинтересовалась Гельфида, указывая на огромный материк, вдвое или втрое больше Родевиля, находящийся в противоположном полушарии.

Не знаю. Никто не знает. На то они и неизведанные, что там никто ещё не был. Возможно, их там вообще нет, но я решил нанести гипотетические очертания, так как вероятно, что там всё же что-то да есть.

А почему там не может быть сплошной океан к примеру?

Это будет суровая несправедливость к их полушарию. В нашем, по крайней мере Ореитис, Родевиль и Татмос. А там не может быть ничего. Очертания Неизведанных Земель придуманы мной самим, а так же я проигнорировал все острова, которые должны располагаться возле него. Зато Татмос, если он существует, изображён тут верно. Но только с севера. Я его срисовывал с древних карт, когда мореплаватели ещё могли плавать туда.

Гельфида уже почти бросила слушать деда, так как окружающие гипотетические континенты её мало волновали. Спокойствие родного Родевиля стояло во главе всего, остальное всё уже – дело других. Она молча прошла в противоположный угол кабинета и устала на очередную штуку, предназначение которой ей было совсем не понятно. Но разобраться стоило.

Герр Анистон, поняв, что бесполезно дальше что-то рассказывать, вновь устался в свои бесчисленные карты, разбросанные на столе. Минуту спустя он наконец прильнул к телескопу – главному аппарату во всей этой обсерватории.

Он был поистине огромным, этот телескоп. И увеличивал всё, если верить деду, в 66 раз. Настолько сильный телескоп был только в этой обсерватории. Нигде, даже отдалённо приближённого к нему по мощности, не существовало в Родевиле и Ореитисе. И, наверняка, не будет существовать лет ещё так сто.

Телескоп выглядывал прямо в большое окно, специально предназначенное для этого телескопа. Именно с этого ракурса лучше всего было видно звёздное небо. Гельфиде приходилось заглядывать в этот телескоп несколько раз. Не с научной целью, а с целью излишней любопытности, которая была присуща Гельфиде в детстве (да и сейчас она мало чем изменилась).

Тогда она думала, что Луна, или Ардррим, видимая невооруженным взглядом лишь как небольшой круг, станет видна более отчётливо. И она увидит их леса, их города, и мифических обитателей – нараков. Но её надежды были убиты, когда она увидела ту же самую луну, что и раньше. Только увеличенную в 66 раз, но всё с той же непонятной красноватой поверхностью...

Ничто не может помочь добраться туда, поэтому выдумка про нараков – просто глупость. Неимоверная глупость. В которую Гельфида перестала верить ещё лет в 14. Хотя натура её до сих пор была донельзя мечтательной, романтичной и с излишней склонностью к фантазиям. Будто бы ей до сих пор 14, а не на 7 лет больше.

– Я так и думал, – пробормотал из-за угла что-то дед, но Гельфида по привычке проигнорировала его, продолжив рассматривать всевозможные вещи в обсерватории.

– Гельфида! – уже погромче сказал герр Анистон, и девушка на этот раз проигнорировать его не смогла.

– Что-то случилось? – спросила она, отложив обратно на место инструмент, похожий на то, чем пользуются зубные лекари.

– Подойди сюда, дорогая, – попросил он, и Гельфида не могла не заметить дрожь в его голосе.

Дрожь в голосе слегка насторожила Гельфиду, и ей не оставалось ничего другого, кроме как послушать деда и подойти к нему. Тот наконец-то отвёл свой глаз от телескопа, и, протерев его правой рукой, посмотрел на Гельфиду.

– Я не верил, что это возможно, но оказалось, что это так, – проговорил он.

– О чём ты?

– Всю неделю я смотрел в этот телескоп и собирал все имеющиеся доказательства... Девять Солнц выстроились в ряд!

– Чего? – сделала недоумённый взгляд Гельфида. – А что это значит?

– Только посмотри сюда, – и он предложил ей свой телескоп.

Гельфида медленно, с некой опаской, с которой она все время подходила к этому телескопу, прислонилась правым глазом к запотевшему стеклу. Поначалу ничего не было понятно, но потом изображение прояснилось, и Гельфида увидела несколько звёзд, расположенных близко и в один ряд.словно на небосводе они были нарисованы, а не находились там на самом деле.

Раз, два, три... восемь...

– Откуда девять? Я увидела всего восемь, – сказала дедушке Гельфида, отпустив свой глаз от пугающего отверстия.

– Да всё очевидно – девятое солнце – наше!

Гельфида нахмурила взгляд, и, представив в голове получившуюся картину, решила промолчать. То, что девять солнц выстроились в ряд, её не очень удивляло. На ночном небе очень много звёзд, а с телескопом их открывается в десятки раз больше, так что мало что тут должно быть удивительным.

– Это не означает конца света? – с немалой степенью сарказма спросила Гельфида

По лицу герра Анистона стало понятно, как ему не понравились слова внучки.

– Можешь смеяться долго, пока не дослушаешь до конца то, что я сейчас тебе расскажу.

Неожиданно Гельфида почувствовал, какая тишина витала сейчас над ночной обсерваторией. Возможно, тишина была и до этого, но Гельфида этого не замечала. Или не хотела замечать, потому что всегда ей приходилось то говорить, то слушать.

– Много лет назад, ещё до Последней Войны Аламонта и до рождения Лунного Владыки колдуном-шутником Аббасом был создан смешной артефакт – маленькое солнце с непонятными шарами, вращающимися вокруг него. Двумя огромными, двумя поменьше, четырьмя ещё меньше и бесчисленным множеством маленьких, обращающихся вокруг старших собратьев.

– Это Солнечная Система, – перебила деда Гельфида.

– Могла бы не перебивать. Тысячу лет назад никто об этом не знал, кроме альвенов и Перворождённых. Аббас являлся как раз либо альвеном, либо перворождённым и знал об этом. Этот подарок он преподнёс Королю погибшего Ненгара, в знак шутки.

– В чём заключалась шутка? – поинтересовалась Гельфида.

– В том, что игрушка являлась не просто макетом системы, а её настоящим отображением. Всё, что происходило с артефактом, происходило и на самом деле. Уничтожь на макете нашу Землю, она бы и в действительности погибла. А ты понимаешь, что могло бы случиться с артефактом в руках незнающего человека, пусть даже и короля? Нам повезло, что при дворе короля был астроном, который высказывал предположение о сферическом строении планеты. Он-то и попросил короля поосторожней пользоваться артефактом.

– А при чём тут девять солнц?

– Гельфида, слушай дальше. Всему своё время. Маги Севера, узнав о шутке Аббаса, обезглавили его, а его изобретение хотели отобрать у Ненгара. Но король отказался отдавать его, так как это был подарок. А подарки не возвращают. За что потом их страна поплатилась.

– Ненгар пал из-за этого? – спросила Гельфида.

– Это было одной из главных причин. Много лет спустя Лунный Владыка узнал об этом артефакте, который нарекли Глобусом Аббаса. И он похитил его. Для этого пришлось сравнять с землёй весь огромный Ненгар, кроме небольшого поселения на юге, но это другая история. Лунный Владыка провозгласил себя первым Хранителем Глобуса Аббаса и заколдовал его так, что пользоваться артефактом мог только один человек, рождённый в день начала становления 9 солнц, или человек, убивший его.

– Так он хотя бы оградил Глобус Аббаса от нежелательных рук.

– Наверное, единственный положительный поступок в его жизни. Глобус, или по-другому Сфера Вечности, являлся активным только в течение парада этих самых девяти звёзд, который длится от 50 до 100 лет. Со смертью Хранителя власть над Сферой переходила его сыну или дочери. А затем, когда парад кончался, Сфера становилась никому неподвластной ещё на несколько сотен лет.

Гельфида опять же решила обдумать всё только что сказанное дедом, но в голове мало что укладывалось. Все эти Сферы Вечности и Глобусы Аббаса если и выглядели правдоподобно, то только в образном смысле. Как древняя реликвия, в которую какие-то друиды якобы заключили необыкновенную силу. Гельфиде показалось, что сила, якобы заключённая в Сфере необыкновенно огромная, а значит заведомо почти невозможная.

– После того, как Лунный Владыка завладел Сферой, все упоминания о нём закончились. Наверняка он жил дольше парада 9 звёзд, а значит, своим сыновьям скорее всего ничего не передал и никто из них не владел этой реликвией. Около пятиста лет назад Сфера была найдена. Как найден и его Хранитель. Тогда и появилась эта обсерватория. Которая в то время была ещё и крепостью. Тогда мы забрали Сферу и берегли её как могли. 76 лет берегли и всё-таки смогли уберечь. Тогда-то это место и стало обсерваторией, а так же священным орденом Девятого Солнца. Каждый проживающий здесь даёт клятву, что будет оберегать Сферу Вечности любой ценой.

– Это место – старинный и священный Орден? Ха-ха... Если это место и похоже на что-то, то точно не на орден... Орден Девятого Солнца...

– Конечно, всё это время Ордену и не требовалось существовать. Сама подумай – для чего? Для лишних ушей? О Сфере и так тогда узнало слишком много людей, и её похитили у нас, к счастью она была тогда неактивна. В ходе долгих распрей из-за него она оказалась у герра Сёгмунда в его Академии.

– Сёгмунд, – начала вспоминать Гельфида. – Старый и в очках... Солнечная Академия... Совсем недалеко. Академия магии и он её ректор?

– Молодец, Гельфида, что ещё помнишь то, как этот замечательный человек навещался ко мне в гости.

– Я была совсем мала, – сказала Гельфида. – Мне было не более десяти лет, и профессор показался мне очень смешным. Я хотела над ним пошутить, пока он спал, но не получилось.

– И это очень хорошо, потому что Сёгмунд этого не любит. Он мой друг, и ссоры с ним я до сих пор не желаю.

Гельфида до сих пор помнила то появление герра Сёгмунда в Обсерватории Анистона около 12 лет назад. Её удивило то, что от староватого Сёгмунда вкусно пахло шоколадом и фиалками. Тогда Гельфиде хотелось понюхать Сёгмунда поближе, но потом, поняв, что её примут потом за дурочку, передумала.

Дед и герр Сёгмунд тогда разговаривали о каких-то странных и взрослых вещах. Но ни слова о Сфере Вечности она тогда не услышала. И дело не в том, что она была мала, и это было давно. Просто не слышала.

– А он до сих пор жив? – поинтересовалась Гельфида.

– Да, он жив, и вполне себе хорошо себя чувствует. Хотя ему должно быть уже больше восьмидесяти пяти. И я рад сообщить то, что он понятия не имеет об Ордене Девятого Солнца.

– К чему ты это говоришь?

– К тому, что клятвой связан каждый, живущий в этой Обсерватории. Ты связана клятвой, Гельфида.

– Не может быть – я не давала никакой клятвы.

– Ты и не обязана была давать её. Я дал её за тебя. Точнее за всех своих потомков. Потомком моим ты и являешься.

Вот так поворот. Гельфида сама того не желая, уже участвует в какой-то секте. Неужто и дед её тоже полубезумевший фанатик? А ведь всегда казался адекватным и серьёзным человеком! Нет уж, эти новые приключения не для Гельфиды... Уж лучше плавания в поисках Татмоса или Неизвестных Земель!

– Дед, я не очень хочу ввязываться в ваши дела с девятью солнцами или чем там ещё...

– На данный момент в Ордене состоим только ты и я. И дело намного сложнее, чем ты думаешь. В прошлый раз чуть было не началась война за право владением Сферой! Я же говорил, что смерть предыдущего Хранителя делает Хранителем убийцу!

– Ну а чего я теперь должна сделать?

– Нам нужна Сфера, – невозмутимо ответил герр Анистон. Сейчас он был совершенно не похож на себя, и Гельфиде хотелось назвать его именно «герр Анистон», а не «дедушка».

– Ну и ищите её!

– В ордене всего двое – ты и я! А я стар! Нам нужно достать Сферу в рекордно быстрые сроки, и чем незаметнее, тем и лучше. Совсем скоро все узнают о параде Девяти Солнц! И начнётся война! Которая закончится концом света!

Гельфиду просто убивало то, насколько фанатично дед сейчас распинался об опасностях, которые грозят с этим парадом. Какая-то неведомая игрушка, Сфера или глобус Аббаса. Да просто нереально, что она может сделать! Ни одна из войн ещё не привела к концу света, а тут какой-то глобус!

– Так пусть герр Сёгмунд тебе и отдаст эту Сферу, если он тебе такой хороший друг!

– Извини, внучка, но ты не знаешь герра Сёгмунда, – сейчас герр Анистон был необыкновенно жив, как никогда. – Этот старый герой думает, что он сам вправе владеть этой штукой, что он сможет защитить Сферу от кого угодно, будь то хоть десять тысяч наракков, хоть сотни драконов! Со своими волшебниками-недоучками, которых он обучает!

– Сейчас, наверное, ты решил, что он не сможет, а ты сможешь? Рьяно утверждая, что в ордене осталось всего двое!

– Сейчас двое, но к исходу месяца будет больше! Четыреста лет назад именно наш орден уберёт Сферу! Наш, а не чей-то другой! И сейчас всё будет так же, ибо Обсерватория является неприступной крепостью. Если оснастить её опытными воинами, она будет неприступна.

– Значит, ты хочешь, чтобы я добыла Сферу, да? А для этого я, наверное, должна убить твоего друга герра Сёгмунда и половину его волшебников-недоучек?

– Не думаю, что у тебя получится. Тебя учили воровать, не скрывай этого. Я для этого и нанимал твоих учителей, чтобы они тебя научили, если вдруг пригодится!

– Значит, я отказываюсь.

– Нет, – невозмутимо ответил дед. – Извини, но это приказ.

– Приказ? – Гельфида не могла в это поверить.

– Не удивляйся. Я командующий этим орденом. Если угодно, твой Лорд. И ты обязана подчиняться мне. Гельфида, урождённая Анистон, дочь Георгега Анистон и Леи Анистон – приказываю тебе ценой твоей жизни или смерти достать и принести мне Сферу Вечности.

Гельфида недоумевала от сказанных дедом слов. На Лорда-командующего он похож был меньше всего, как и его Обсерватория на Крепость Ордена Девятого Солнца.

– Я обязана повиноваться? – спросила Гельфида.

– Да. Сёгмунд говорил мне, что Сфера находится на крыше Академии, в которой семнадцать этажей. Я думаю, что тебе удастся миновать их. Никакой стражи Сфере не полагается, так как Сёгмунд считает самого себя лучшей стражей, и его кабинет находится около той самой крыши. Не упusti момент – не дай заметить себя Сёгмунду, иначе не получится ничего.

Гельфида молча опустила голову. Не потому что она боялась предстоящего задания – это дело представлялось для неё сущим пустяком. Её настораживал сам факт того, что она участвует в этом. Ей показалось, что всё может пойти намного дальше обычного похищения. Ведь если вслушаться в слова бабушки о том, во что может перерасти борьба за Сферу Вечности, это и есть так. Потому Гельфиде хотелось просто избавиться от нежеланного задания и уйти прочь. Туда, где её не сможет найти никакой Орден Девятого Солнца, никакой Аббас со своим глобусом (даже девятью), и даже никакой герр Сёгмунд, смешной, но такой раздражительный...

Глава 2. Мой старый друг

I

Он проснулся от шума, который наполнил эту таверну в ранний утренний час. Едва только ей стоило открыться, как её наполнили разные люди – вчерашние пьяницы, желающие опохмелиться, новые постояльцы этого города и сами её работники, которые уже шныряли туда-сюда, разнося людям пиво.

Геррер заночевал сегодня прямо здесь, сидя в углу за столом. Не самое плохое место, так как тут всю ночь было тепло и не одолевало беспокойство. Никто выгонять его отсюда не стал – подумали, наверное, что какой-то пьяница, который не в состоянии двигаться, уснул прямо здесь.

Назвать пьяницей Геррера, конечно, нельзя, но прошедшим вечером ему действительно пришлось немного подпить. Не только пива, но и браги, которая так славилась в этих краях. Компания попалась очень шумная, но добродушная, которая напоила его бесплатно.

Геррер искал Ферцена, который пропал два дня назад. Пытался выйти на след и разузнать хоть что-то, не выходило. Он знал, что если всё делать правильно, то есть шансы найти Ферцена живым и невредимым. То, чему его учили в Гвардии, должно было помочь. Обидно терять друга, которого нашел спустя три года разлуки. И тут же заново его лишился. Какой-то элементарный долг перед Ферценом был, и он не мог его оставить на произвол.

Попытавшись что-то поискать в Айвин Клум, Геррер понял, что это бесполезно, поэтому предпочел покинуть город. Очевидцы, которые видели этих троих и плененного Ферцена, указывали, что они покинули город через Западный Тракт, а значит, через него и надо вести свою дальнейшую дорогу.

Так Геррер и оказался в Западном Загоре – небольшом городке, являющимся почти пригородом Айвин Клум. Находился он совсем недалеко – Геррер проехал около десяти лиг. Ему любезно помог торговый караван, который двигался как раз по Западному тракту.

Но едва только Геррер оказался в таверне и принялся расспрашивать посетителей про троих незнакомцев, как ему предложили выпить. Геррер мог бы и отказаться, но не удалось. И поэтому так быстро наступило утро.

Голова побаливала, но не сказать, чтобы сильно. В окно пробивалось солнце, а это обещало сделать новый день хорошим. Таким же, каким он был и вчера.

Только вот теперь он мог и отстать в погоне за Ферценом на добрую половину суток. Теперь надо как-то их наверстывать – только вот как?

– Я вижу, ты так и не ушел отсюда, – послышался чей-то знакомый голос.

Это был один из тех людей, кто вчера являлся его другом. Странно, что он вспомнил Геррера сейчас. Учтывая, какими они оба были вчера. И как только ему хватило сил проснуться так рано и прийти сюда?

– Неплохое место для ночевки, – пробубнил Геррер.

– А зря. Я бы пустил себя и в свой дом, если б ты попросил. Моя жена если бы и была против, то только для виду.

– Ни к чему было обременять тебя лишними проблемами, – попытался показаться вежливым Геррер.

– Ну что ж, дело твоё, – ответил мужчина и подсел к Герреру. – Выпить ещё не желаешь?

– Нет... Ни в коем случае. У меня важные дела.

– Ах да, – вспомнил мужчина. – Ты же вчера друга искал. Под каким-то конвоем... Я прав?

– Да, ты прав, – сказал Геррер. – Ничего не можешь сказать по этому поводу?

– Наверяд ли. Я же вчера, кажется, говорил уже. Их видом не видывали ни я, ни мои друзья. Хотя ты бы мог поискать на рынке.

– На рынке? – переспросил Геррер.

– Да, на рынке. Туда много разных людей заходит. Известных или не очень. Но всяко их там больше, чем тут. Тут ты мог найти только таких, как мы. Да ты их и нашёл.

И пьяница весело рассмеялся чуть хриплым смехом, поглядывая на Геррера. Он, наверное, и от Геррера ожидал того же самого. Но тот не разделил его энтузиазма. Мимика на лице Геррера осталось неизменной.

– Значит, туда я и пойду, – сказал он. – Дорогу не подскажешь?

– Подскажу, отчего же нет-то? Хотя, может быть, выпьешь со мной на дорожку?

– Нет. Не сейчас.

– Ну нет так нет, – пробубнил мужчина. – К этому рынку ведут все дороги. Он находится в самом центре нашего небольшого городка. Я советую по главному тракту идти, как выйдешь из таверны. Не ошибешься.

– Ну что ж, спасибо, – поблагодарил Геррер и встал из-за стола.

– И с этой штукой поосторожней будь.

– С какой? – удивился Геррер.

– С этой, – и он указал на висящий за спиной Геррера стальной меч.

Тот только лишь кивнул ему и удалился из таверны. Знал бы он, что под плащом у Геррера спрятано ещё два небольших кинжала, а в сапогах пять метательных ножей. Но это так. На всякий случай.

Город возле входа в таверну уже всюду шумел. Все шныряли туда-сюда, и что-то подсказывало Герреру, что время уже больше девяти. И утренняя прохлада давала о себе знать. К счастью, плащ Геррера хоть и был потерт в некоторых местах, защищал от холода не хуже нового. И утренняя прохлада была ему нипочем.

Некоторые жители города посматривали на незнакомца с небольшой опаской. Ещё бы – одет в черный плащ, за спиной двуручный блестящий меч, с неделю небритый подбородок. Нерасчесанные длинные волосы. Как-то не очень он вписывался в общую картину происходящего в этом городе.

Но его это волновало меньше всего. Пусть в Айвин Клум было больше людей, похожих на него, основная его масса была такой же, как и в этом городе. Вообще этот город был похож на маленький Айвин Клум. И таверна дядюшки Кюрия почти один в один напоминала эту, названия которой Геррер не запомнил. То ли что-то вроде «Золотой Рыбки», то ли «Блестящего Оленя». Названия таверн сильно перепутались в голове у Геррера. Ведь он их перевидал небывалое множество за последние годы.

Рынок, который пришлось найти Герреру, был необычайно оживлён для такого часа. Идеальное место для того, чтобы скрыться в толпе или от кого-то спрятаться. Конечно, прятаться Геррер сейчас ни о кого не планировал, но мало ли чем обернется его пребывание в Западном Загоре? У Геррера были подобные случаи в жизни, поэтому заранее строить планы спасения было разумным решением.

Это был большой рынок – даже слишком большой для такого городка. Наверняка сюда заезжали и покупатели из близ лежащих поселений, иначе просто некому было продавать всё, что здесь находится. И действительно – выбор здесь был просто огромен. Лавки со всевозможной одеждой, посудой, коврами, предметами домашнего быта, доспехами, восточными пряностями и прочим пестрили повсюду. Глаза разбегались и Геррер даже не знал, на что обращать внимание в первую очередь.

Но не только полезные для повседневной жизни вещи были здесь. Рынок изобилировал и всякими сувенирами, игрушками, а так же иноземными диковинками. Шкатулки с сюрпри-

зами, стеклянные шары, зеркала. Всё это очень заинтересовало бы Геррера, если бы он не был Геррером.

В дальнем конце рынка по большей части продавалось оружие. Много-много лавок с различным оружием. Геррер поглядывал на них, и временами понимал, где оружие было действительно качественным, а где – ничего не стоящей подделкой. Хотелось подойти к каждому из торговцев и блеснуть своими знаниями перед ними, но нельзя было.

Возле одной из лавок Геррер и нашёл того, кто был ему нужен. Он был одет почти так же, как и те, кто захватил Ферцена. Вернее сказать, как двое из них. Потому что тот, кто «любезно» протянул Герреру руку, выглядел слегка по-другому.

Этот тоже имел повязку на голове такого же красного цвета, но волосы были заметнее гуще, чем у остальных. Они эффектно завивались, и этого парня вполне можно было назвать красавцем.

За спиной у него висел тонкий полусогнутый меч с расписной рукояткой, укрытой красными переплетающимися ножнами. И что-то подсказывало Герреру, что помимо этого он тоже скрывал под одеждой немало ножей, кинжалов и прочих побрякушек.

– Какая сталь? – услышал Геррер обращение незнакомца к торговцу оружием.

Сам Геррер аккуратно прятался, делая вид, что стоит в очереди у другой лавки. В общем, тут и прятаться было необязательно, но Герреру хотелось именно так. Тот, кто всегда остается незамеченным, чаще побеждает.

– Сталь мы завозили из Акры, – ответил седобородый торговец. – Новейшую сталь. Наш кузнец хвалил её, когда делал это оружие.

То, что сейчас держал в руке и осматривал незнакомец, нельзя было назвать ни мечом, ни кинжалом. Оно было средней длины, но очень полезным в бою, как подсказывал Герреру гвардейский опыт. Им можно было и отражать удары, и быстро переходить в контратаку.

– Я сомневаюсь, – сказал незнакомец, положив оружие обратно. – На кончике есть пара зубрин. Сталь, вероятно, не такая прочная, как вы говорите.

– Акрская сталь не самая лучшая. Но зато она очень устойчива к ржавчине. И металл не теряет прочности с течением времени.

– Прочности, которой у него нет, – договорил незнакомец за торговца, чем ввёл его в неловкое положение.

– Если вам не нравится этот клинок, вы можете посмотреть другой.

– Ни к чему. Меня заинтересовало это оружие. Но я не уверен в том, что оно долго послужит мне. Его несложно сломать, а с таким оружием мне приходилось сталкиваться. Оно не для меня.

– В этом случае я могу сделать для вас скидку, – предложил торговец. – Клинок стоит тринадцать флоринов, но вам я отдам всего за десять.

Геррера удивило такое великодушие торговца, хотя это было совсем не его дело. Наверное, он понял, что плохое качество оружия не скрыть от знающего человека вроде Геррера или этого незнакомца, и понял, что по своей цене продать его всё равно не удастся. Впрочем, это совсем другая история.

– Нет, дело не в деньгах, – вежливо сказал незнакомец торговцу. – В них я дефицита не испытываю. Более того, за хороший меч я готов даже переплатить.

Незнакомец весело улыбнулся торговцу, словно оскалился, и пошёл прочь. Он не стал заглядывать в другие лавки, вероятно, он уже успел осмотреть их все. Если не каждую досконально, то просто окинул каждую взглядом. Наверное, ему хватало одного взгляда, чтобы определить, что ему нужно, а что нет. По нему видно, что он очень хорошо в этом понимает. Может быть, почти как Геррер. А может и ещё лучше.

Незнакомец тем временем двигался к противоположному выходу с рынка. Делал он это не торопясь, поглядывая на некоторые товары, и иногда даже останавливаясь около них. Гер-

реру всё это время приходилось скрываться в толпе. Не из-за того, что он боялся попасться на глаза незнакомцу. Герреру вообще было безразлично кому противостоять в случае нападения. Просто он хотел поговорить наедине, а в толпе может случиться всякое.

Более-менее безлюдное место нашлось, когда незнакомец повернул направо, для того, чтобы пройдя между двумя зданиями, выбраться в город. Слегка рискованное место, но Геррер не драться же с ним собрался. По крайней мере, надеялся, что не придётся.

– Стой! – крикнул он незнакомцу, после чего тот остановился, но ответил, даже не обернувшись:

– Ты собираешься меня атаковать?

– Нет. Если только не придётся, – сказал Геррер.

– Но обычно делают такой долгий путь и такую долгую слежку, чтобы убить. Я сам так делаю.

После этих слов Геррер ещё больше убедился в непростоте незнакомца. Или просто усомнился в своих навыках конспирации. Хотя раньше он считал, что у бывшего служащего Королевской Гвардии она должна быть отменной. Но на всякого умельца всегда находятся более умелые. Хотя Геррер был уверен, что в бою он всё же победит.

– И я так делаю, – решил съязвить Геррер. – Но в моих планах этого не было. Я следовал за тобой, чтобы поговорить.

– Поговорить со мной? – удивился незнакомец и наконец обернулся. – О чём ты можешь говорить со мной, если мы даже не знакомы?

И он снова язвительно улыбнулся, и снова с проблеском оскала. Для полного эффекта там должен был сверкнуть ещё золотой зуб, но он там не требовался. Зубы незнакомца были неестественно ровные и белые, прямо как у Клая Вурраэ.

– Наше знакомство и не требуется. Скажем так, я знаком с твоими друзьями, – сказал Геррер, в надежде, что это выражение подойдёт.

– У меня не должно быть друзей. Во всяком случае, я их не могу припомнить.

– Ладно, я, может быть, и ошибся, назвав их твоими друзьями. Но они были очень похожи на тебя. Вернее говоря, одеты как ты.

Незнакомец снова оскалился и приблизился ближе. Не нравился он Герреру, поэтому тот уже начал подумывать о том, как отражать грядущую атаку. Наверняка скрытый под плащом кинжал поможет. Очень поможет.

Хотя незнакомец оказался не настолько враждебно настроен:

– И ты решил, что все похоже одетые встречные являются друзьями? Ты ошибался. Хотя кажешься взрослым.

Это задело Геррера, но он решил не реагировать на это грубо. Во всяком случае, это может многому помешать.

– Я вообще прежде не видел таких одежд.

– Тебе не нравится моё одеяние? – спросил незнакомец. – А как тебе мой меч?

– Мой не хуже, – решил ответить Геррер. – Что, если я скажу тебе, что одного из них звали Клай Вурраэ?

Оскал незнакомца сполз с лица. Не из-за того, что он чего-то испугался, а из-за того, что возможно понял, о чём говорит Геррер. Во всяком случае, примерно понял.

– Ты знаком с Клаем? – спросил он. – Так может быть это ты его друг, а не я?

– Нет, не друг, а один неприятный знакомый. Я ищу своего друга, – решил сказать Геррер. – Ферцена Рейгера, несправедливо взятого ими под арест.

– Несправедливо? – удивился незнакомец, но на этот раз уже без сарказма. – Кто тебе сказал о несправедливости?

– Я знал этого человека долгое время, и могу поклясться, что он и мухи не обидит.

–А он никого и не обидел. – перебил Геррера незнакомец. – Преступления не всегда выражаются какой-то обидой.

–Да кто вам право дал арестовывать людей? – спросил Геррер, на этот раз уже всерьез намереваясь вступить в схватку. – Кто вы?

–Мы – закон. И я бы с радостью рассказал тебе, в чём он виновен, но мне запрещено это делать. Могут казнить. А в моём положении это не очень желательно.

Геррер всё равно не хотел слушать о причастности Ферцена к преступлениям. Он даже не мог представить себе, каким может быть преступление, совершенное Ферценом. Он человек такой... Мягкий. Даже слишком. Может быть, всё это связано с его новой работой? Если только. Ведь Геррера тогда смутило известие о ней. Даже очень.

– Ладно. Это не моё дело, кем ты работаешь. Ты знаешь, где находится Ферцен Рейгер?

– Ха. Конечно, знаю, я же косвенно участвовал в его аресте. И как участник этого дела, я должен от тебя скрывать то место, где он находится. Гораздо проще убить тебя.

– Предупреждаю, сделать это невозможно. К тому же это не по закону. А ты и есть закон, как ты сказал.

– Наши законы для нас, – ответил незнакомец. – И действуют только для нас. И ты высокомерен.

– И ты, – сказал Геррер, хотя не знал, при чём тут это.

– Ферцен в порядке, – перевёл разговор незнакомец, но Геррер понял, что не из-за того, что испугался. – Цел и невредим. Я подумал и решил, что могу тебе сказать, где он. Это не уменьшит наших шансов сохранить его.

– Где? – спросил Геррер.

– Не всё так просто. Я замыслил кое-что. И ты мне должен помочь в этом. Услуга за услугу, как говорится.

– Что ты замыслил?

– Мне нужны не твои расспросы, а твоё согласие, – ответил незнакомец, чем заставил Геррера задуматься.

Но раздумывать Геррер долго не решился. Судьба Ферцена была и его судьбой, поэтому он должен был сделать всё для его спасения. Как-никак, когда-то Геррер стал его защитником, и до сих пор должен держать своё слово.

– Я согласен. Надеюсь, мне не придётся убивать младенцев, – спросил Геррер и чуть улыбнулся.

– Наверяд ли. Вообще никого убивать и не планировать. Чуть позже я расскажу тебе, что мы должны сделать. Пошли.

И незнакомец развернулся и пошёл дальше. Герреру ничего не оставалось, как идти за ним. Всё-таки согласие есть согласие – нарушать его не стоит.

– Подожди, – остановился незнакомец. – Я должен знать твоё имя.

Геррер секунду помялся, придумывая подходящее для себя вымышленное имя, но в итоге назвал своё:

– Геррер Аугуст.

– Ринк Милиэр, – ответил незнакомец, и со своим привычным оскалом протянул Герреру руку.

И он пожал её. Удивляло, конечно, то, что это уже второй незнакомец такого типа за последние дни, с которым приходится знакомиться. И ещё жать руку. Сначала Клай Вурраэ, затем Ринк Милиэр. Не забыть бы их имена – сейчас это было бы очень некстати.

Хотя перепутать их почти невозможно – какие-то они всё же разные. Пусть и похоже одетые, пусть похожего телосложения и похожей причёской. Но будто бы с разной аурой, существенно отличающейся по своим намерениям и цвету. Геррер был в меру прагматичен и не верил ауре, но то, что он ощущал сейчас, нельзя было объяснить иными словами.

Куда Ринк вел его, Геррер не мог понять. Даже приблизительно – он не знал этого города и был тут в первый раз. Чего не скажешь о незнакомце – это место если не было его домом, то по крайней мере было тем, куда он часто заходит в гости.

Как понял Геррер, они вскоре очутились ближе к окраине Западного Загора. Не удивляло даже то, что герои ни разу не обменялись словами за всю получасовую походку. Явно судьба быть друзьями им не грозила, а потому и дальнейшие их взаимоотношения Геррера не сильно волновали.

– Куда мы идём? – всё же осмелился спросить Геррер после получаса.

– Домой, – коротко ответил Ринк.

– У тебя здесь дом? – удивился Геррер, так как ему казалось, что у Ринка и его товарищей дом должен быть совершенно в другом месте.

– У меня много где дом, – с гордостью пояснил Ринк Милиэр, после чего Геррер замолчал, так как не хотел дальше расспрашивать об этом.

Они вошли в совершенно небольшую и неприглядную избушку, которая в этом месте, где остальные дома были намного больше, смотрелась совершенно неуместно. Ринк даже не закрывал этот «дом», потому что, едва толкнув дверь рукой, он открыл её.

– Это же не постоянное твоё жилище? – попробовал догадаться Геррер.

– Угадал, – сказал Ринк. – Мне не требуется постоянное жилище. Так же, как, наверное, и тебе.

– У меня вообще нет жилища, – с грустью ответил Геррер.

– Не удивительно, – с легким презрением сказал Ринк, но Геррера это почему-то ни капли не расстроило.

В этом обиталище не было даже окон, поэтому Ринку пришлось разжечь небольшую лампу на столе, чтобы хоть что-то было видно. Хотя не на что было тут смотреть – посреди комнаты стоял лишь стол и больше ничего. Даже не было ни лавки, ни кровати. Интересно, где этот Ринк Милиэр тогда спал? Ведь это хоть и временное, непостоянное, – но всё же жилище. Или же они вообще не спали? Всё-таки ни Клай Вурраэ, ни Ринк Милиэр на людей не особо похожи были.

– А у тебя ведь есть и постоянное жилище? – спросил Геррер.

– Жилище? Да. С моими братьями.

– Не с теми ли, которых я видел в таверне дядюшки Кюрия?

– Где? – переспросил Ринк.

– В той таверне, где вы арестовали Ферцена. Моего друга.

– Не мы. Они. Я не принимал участия в аресте непосредственно. Да. – Ринк на секунду о чём-то задумался. – Они мои братья. С ними.

Но как-то неуверенно он об этом сказал, будто эта правда не очень нравилась ему. Или была не совсем правдой. Впрочем – какая разница, если Герреру всё равно?

– Этот дом куплен тобой? – спросил он.

– Заработан. К сожалению не тем способом, как хотели бы мои братья. Все мои братья, а не только Клай, Трой и Фрэй.

– Значит братьев много? Вы члены какого-то тайного братства? Секты фанатиков? – неожиданно начал выстраивать логическую цепочку Геррер.

– Ты задаёшь слишком много вопросов, иноземец, – резко и не совсем нелюдливо перебил его Ринк. – Ты не должен задавать вопросы. Это не входило в наши условия.

– У нас были какие-то условия? – удивился Геррер.

– Да. Потому что тебе нужен Ферцен, а не мне. Если ты готов выполнить небольшое дельце для его спасения, то просто доверься мне. И без вопросов – если я захочу тебе что-то рассказать, то непременно расскажу.

– Хорошо, – ответил Геррер, которого опять же не волновало то, что Ринк что-то не хочет рассказывать.

Ринк ничего не ответил Герреру, так как принялся открывать погреб, который находился прямо под столом. Его-то Геррер сразу не заметил, хотя обычно всевозможные скрытые ходы и лазейки сразу замечал.

Несмотря на то, что дверь дома вообще никак не закрывалась, подвал Ринк запирает на замок. На замок внушительного размера, но у которого был очень маленький ключик. Именно им Ринк и отпер подвал. Там, как понял Геррер, уже горели светильники, так как оттуда лился свет.

– Давай за мной, – махнул рукой Герреру Ринк и полез в подвал.

Лестница в довольно глубокий подвал было очень узкой, но достаточно крепкой, хоть и деревянной. Геррер спустился по ней без труда, ещё ловчее это сделал Ринк.

Подвал, если не поразил, то очень удивил Геррера. Это был и не подвал вовсе, в котором Геррер ожидал увидеть запасы еды или какой-нибудь хлам. Это была огромная, с кучей огней комната, в которой хранилось всевозможное оружие, а так же куча боеприпасов.

Кое-что уже заросло паутиной – видимо посетителей этого места было не так уж и много. Пол был обложен каменной плитой, с какими-то старинными и диковинными узорами, а стены украшены росписями и едва различимыми очертаниями лиц, высеченных на камне.

– Где мы, Ринк? – спросил Геррер, всё ещё осматривая необыкновенный подвал.

– В погребе, – с ехидной улыбкой-оскалом, ставшей уже частью его стиля, ответил он.

– А если серьёзно?

– Серьёзно, значит? Я сам толком не знаю. Но это не наша постройка, если ты про это вдруг подумал. Это наследие древних Геркольцев, когда-то создавших здесь подземелье для спасения жителей. На войне.

– Война? Какую войну ты имеешь в виду?

– Последнюю войну Аламонта. Подземелье построили, но война до этих мест не дошла.

– Это война была почти тысячу лет назад. Неужто всё это могло так хорошо сохраниться? – опять удивился Геррер.

– Если правильно строить подобное сооружение, то оно простоит и не одну тысячу лет. Поэтому можешь не бояться, что потолки обвалятся. Их не *люди* строили.

– Что ты сказал? – резко обернулся Геррер. – Не люди?

– Гномы. Истинные мастера своего дела. В те годы и гномы, и эльфы жили здесь в большом количестве. Это сейчас во всех Ларманских Землях эту диковинку сыщешь с гулькин нос.

– Гномы строили убежище, чтобы укрывать людей, – пробормотал Геррер.

– Не только людей. Но и себя, и эльфов. Не верь в сказки про враждебность гномов. Особенно не верь про их вражду с эльфами. Эльфы никогда не разводят вражды. Они только побеждают.

– Я и не верил в сказки, – ответил Геррер. – В детстве мне их редко рассказывали.

Хотя на самом деле не рассказывали совсем. И если знать, откуда Геррер родом, удивляться будет и нечему. Скорее стоит удивиться тому, что ему их в принципе, хоть и иногда, но рассказывали

– К счастью. Это не просто подвал, иноземец. Эта целая система подземелий, которая в конечном итоге выводит из города.

– Но зачем нам покидать город тайным ходом, если можно пройти через главные ворота?

– В городе остались мои другие братья. Которые не должны узнать, что я покинул город.

– Получается, что ты обманываешь своих братьев? – сделал догадку Геррер.

– Обманываю? – удивился Ринк. – Нет, я никогда не занимаюсь этим. Я просто многое не договариваю. Как раз то, что им слышать им и не надо.

– А с чего мне быть уверенным, что вместе с тобой преступником не окажусь и я? – спросил Геррер.

– А кто тебе сказал, что я преступник? Может быть, я в чем-то не прав перед братьями, но перед законом чист.

– Ты же и есть закон, – ухмыльнулся Геррер.

– Не отрицаю. Поэтому для меня закона нет. Никто мне не закон. Понимаешь?

– Понимаю, – ответил Геррер. – Но подобные выскочки вроде тебя, считающие себя выше закона, обычно плохо заканчивают.

– А сам ты живёшь по закону, – с огромной долей иронии сказал Ринк.

– В душе я гвардеец.

– Ты не понимаешь ничего.

Всё это время Ринк что-то искал. И в итоге нашёл ветхий, маленький и покрытый паутиной рычаг. Раздался скрип соприкосновения ржавчины со ржавчиной, и тайный проход в стене начал открываться. Там, за проходом уже не было светильников. И, наверняка, было очень темно, потому что не может быть в погребке окон.

Ринк снял один из светильников со стены. Геррер сделал то же самое. Светильники сюда принёс точно либо Ринк, либо тот, у кого Ринк этот домик с тайным подвалом купил. Потому что светильники не могли гореть 800 лет.

– Иди за мной, – сказал Ринк. – Здесь не страшно.

Геррер хотел уже было что-то ответить на эту шутку Ринку, но вовремя сдержал язык за зубами. Не стоило сейчас ссориться, или, чего ещё хуже, ввязываться в драку. Хотя и не стоило бы Ринку Милиэру шутить в подобном духе.

– Знаешь, откуда я знаю про это место? – спросил Ринк.

– Откуда же? – поинтересовался Геррер, хотя ему было всё равно.

– А я знаю всё. Я особенный. Хотя про это место узнал не я, а один из братьев. И рассказал мне про него. А сам погиб скоро. Не бойся, я не прилагал к этому руку.

– Не боишься той же участи? – спросил Геррер.

– Я ничего не боюсь. Не боюсь я ни ваших блюстителей закона, ни своих. Поэтому делаю то, в чём я уверен. А в себе я уверен всегда.

А высокомерия бы парнишке поубавить, подумалось Герреру. Очень плохое качество в той жизни, которую собирается выбрать он. В свои годы Геррер знал об этом. За годы службы в Гвардии приходилось иметь дело и не с такими зазнайками. Но все они в итоге либо заканчивали в могиле, либо намного ниже, чем они ожидали.

– Будь уверен не в себе, а в своём мече.

– А у меня их несколько, – похвастался Ринк. – Я разрешаю задать тебе вопрос, Геррер. Ты еще не спросил, что мы должны делать.

Геррер молчал и только чуть улыбался, явно ожидая ответа сразу. Он всё равно знал, что рано или поздно Ринк всё расскажет.

– Нашим заданием было не только арестовать Ферцена. Это же сделать проще простого, сам это понимаешь уже. Мы должны были узнать, что он делает. А делал он не самые лучшие и правильные дела. Он помогал некоторым плохо настроенным личностям в их корыстных планах. И из всех своих братьев мне удалось узнать гораздо больше.

– Ты и здесь лучший.

– Не перебивай. Они ищут один очень важный артефакт. Очень ценный и дорогой. Способный перевернуть жизнь каждого, кто завладеет им. И в самой кульминации Ферцен узнал о том, где он находится. И, соответственно, узнал и я. Потому что я умею следить.

– И рассказывать об этом.

– А почему бы тебе не узнать о моих лучших качествах? Я узнал о том, что этот артефакт находится на севере Карнарского Королевства. Недалеко от моего официального дома.

– Мы должны преодолеть это расстояние?

– Можешь радоваться этому, Геррер. Там останется совсем недалеко до твоего Ферцена, и делай уже с ним, что угодно.

Это вновь натолкнуло Геррера на не очень хорошие мысли, но он опять отверг их, потому что ссора с Ринком – самое худшее, что сейчас может случиться.

– Освобожу и пойду по своим делам, – сказал он.

– Попытаешься освободить, – поправил его Ринк. – Хотя, дело, конечно, твоё. Артефакт этот находится в магической академии. Там, где в хрупких отношениях с инквизицией подготавливают волшебников-недомерков.

– Неужто бывают такие академии? – удивился Геррер.

– Да. Но о них не все знают, потому что не все и волшебники. Некоторые просто их побаиваются. Но я-то нет. У них только старший архимаг сильный, а остальная часть – ученики. А ученики не могут ничего.

– Только не говори, что придётся их убивать.

– Нет. Надеюсь, что нет. Хотя ради моей цели. Я бы убил. Всех. Искоренил ересь до её зарождения. Но тебе, верно, это не нравится. Ты и не будешь никого убивать. Скорее всего. У тебя другая задача.

– Какая же? – поинтересовался Геррер.

– Потом расскажу, когда на месте будем. Всё-таки до Акры не менее недели пути.

– Пешком? – удивился Геррер.

Нет, конечно. У меня есть тайники не только в этих местах, но и в других. Нас ждёт пара великолепных скакунов. Таких, каких ты и не видывал раньше.

II

Солон в последний раз окинул взглядом оставшийся позади замок Солнечной Академии. О, как красив этот замок в такое время, когда только начинает вечереть, и на небе появляются первые звёзды. Тогда во многих окнах появляются огоньки, которые освещают академию. И многочисленные шпили величественно возвышаются над всем остальным. Будто бы в мире существует только долина и этот замок.

А теперь начался лес и Солону, как и его спутникам, предстояло войти в него. Туда, где больше уже не будет видно Солнечной академии. А жаль. Очень жаль. Солону очень хотелось сейчас просто присесть на луг и долгое время любоваться этим красивым замком. Таким, каким он видел его всего раз – когда только первый раз пришёл сюда. С тех он не покидал территории замка и в таком виде видеть его не приходилось.

– А вот теперь начнётся самое интересное, – с налётом лёгкого сарказма сказал один из парней.

Он был чуть постарше Солона, и ехал на коне. Вообще конных было всего трое, остальная десятка плелась пешком. Те, что были на конях, являлись самыми старшими, и всем троим было не меньше двадцати. На конях располагалась самая важная провизия, которой должно хватить на те шесть дней, что будет длиться экспедиция.

– Я уже в пятый или шестой раз отправляюсь сюда, – сказал другой парень на коне. – Герр Сёгмунд всегда находит причины, чтобы отправить меня в лес. Наверное, считает, что без меня тут совсем неинтересно.

Солон мог догадываться, что эту болтовню ему придётся слушать ещё долгое время – до самого конца пути. А потом, в худшем случае, и все шесть ночей, что предстоит обитать здесь. Он, конечно, старался не слушать никого, но уши сами все это принимали и отправляли прямо в мозг.

Его окружал десяток таких же ребят, незнакомых друг с другом. Все такие же на первый взгляд робкие, как и он сам. Но через часок-другой они перезнакомятся друг с другом и начнут общаться. А за последующие несколько дней многие так и останутся друзьями.

Солон, возможно, будет среди них. А возможно и нет. Как карта ляжет – на будущее загадывать не следует. У Солона не было огромного желания заводить сейчас лишних друзей, потому что и старых порядком хватало.

– Мы – истинные хранители леса, – сказал один из конных. – Сёгмунд любит нас, поэтому и отправляет сюда. Конечно, нам ни разу ни с кем не приходилось драться на этих местах. Но всё же мы позволяем академии спать спокойно и не волноваться за завтрашний день...

Можно подумать, что в случае опасности у них что-то получится. Половина разбежится, а половина с гордостью поляжет. Солон не знал, на какой стороне окажется он. Но не исключал того, что может оказаться среди первых. Ему не приходилось применять свои умения на практике. И, правду сказать, будет рад, если так и не придётся.

– Много лет назад заставе действительно приходилось оборонять позиции. Сюда проникали и разбойники, желавшие нажиться на сокровищах академии. И нежить, бывало, заглядывала сюда. Говорят, с разбойниками было сложнее бороться, чем с нежитью. Несмотря на то, что нежити обычно больше было. Хотя и заставы тогда были не в пример нашим. Раза в три больше и бойцы там куда опытнее, не то, что мы.

– Вот им тогда всерьёз доверяли, – сказал другой.

– И нам тоже доверяют, я уверен. Как можем, оправдаем их ожидания. До сих пор же оправдывали.

Троица весело засмеялась. Остальная десятка хоть и слышала их разговор, смеяться не стала. Никто даже не улыбнулся.

Спустя некоторое время трое слезли с коней и пошли дальше пешком. Их действия понятны – лес становился дальше всё гуще и гуще. И не ровён час – в такой темноте можно напороться глазом на случайный сук, предательски торчащий там, где никто не ожидал его видеть.

С наступлением кромешной темноты «предводители толпы» подожгли факелы и стали освещать дорогу юнцам, чтобы те не заблудились или не споткнулись о какой-нибудь корень.

Лес был сравнительно большим – это было самое крайнее место Карнарского Королевства, за которым уже начинался Новый Латьен. Совсем неведомо, где остановится отряд. Неужто, на самой границе? Нет, скорее всего, нет, так как там уже никакой власти нет, и всё принадлежит полуэльфам.

– Ты тоже тут в первый раз? – спросил Солон какой-то юноша, всю дорогу шедший рядом.

– Ты, я вижу, тоже, – ответил Солон.

– Герр Сёгмунд рассказывал тебе, что нам предстоит?

– Рассказывал. Мы будем охранять академию от внешних опасностей.

– А я боюсь, – ответил парнишка, – прямо до ужаса боюсь, как никогда не боялся. Я всегда находился внутри замка, и не подозревал, что предстоит оказаться тут.

– А за что герр Сёгмунд тебя так?

– Во время дежурства по кухне я утащил три котлеты и съел. Но я был жутко голоден, а до ужина оставалось чуть больше часа. Я думал, что никто меня не заметит, но кто-то меня сдал и отвёл к ректору.

Солон впервые решил получше рассмотреть юношу, в черты лица которого подробно до этого не глядывался. Да, тот, наверное, частенько чувствовал себя проголодавшимся, так как щёки его были в меру пухлыми. И сам он, будучи роста меньшего, чем Солон, весил наверняка заметно больше. Скорее всего, в академии он пребывал первый год, так как на вид ему было не больше шестнадцати лет.

– Будь в следующий раз осторожней.

– Я больше не буду воровать. А то вдруг герр ректор устроит мне наказание похуже этого. Я же сам себе не прощу. Мне уже охота обратно в замок, в свою спальню и лечь спать.

– Тебе ещё предстоит не спать всю ночь, – невозмутимо ответил Солон, чем явно расстроил мальчишку.

Сам Солон яростно скрывал, что уже начинает хотеть спать. Сейчас он вполне неплохо себя чувствовал, но боялся представить, что же будет спустя пару-тройку часов. Что будет, если он всё-таки уснёт и оставит свой пост неприкрытым? Не сочтут ли его дезертиром? Не накажут ли ещё сильнее?

– Хорошо, что я ещё пирожков с собой набрал, – продолжил донимать Солона парнишка. – Хоть будет чем заняться во время долгой ночи.

Пирожки как времяпровождение – что может быть прекрасней? Но Солон всё же завидовал парню тем, что тому хоть чем-то можно было заняться. И это придавало ему сил. Которых, однако, в случае чего ему всё равно не хватает.

– Пирожками ты будешь от лучников отбиваться?

– Лучников? – удивился парнишка. – Каких ещё лучников?

– Границу с Новым Латьеном остерегают полуэльфы-лучники.

В это время Солона перебил один из троих «вожаков» группы, который ненароком услышал этот разговор.

– Которые никогда не полезут сюда. Эти ребята никогда и никуда не нападут. Тем более в наше забытое богами место.

Неожиданно Солон понял, что вокруг заметно помрачнело. Будто действительно они оказались в богом забытом месте, где может оказаться кто угодно и что угодно. Где сказки об упырях и тому подобном могут оказаться реальностью. И, возможно, намного более пугающей, чем они слышали раньше.

– Остановимся здесь, – сказал один из «вожаков». – Со мной будете ты, ты и ты, – среди этих трёх оказался и Солон. – Остальные отправятся дальше занимать свои позиции.

Солон с облегчением услышал, что для него прогулка на сегодня закончена, и наконец можно остановиться и заняться чем угодно, только не ходьбой. Конечно, отличным вариантом будет и поспать, но это на сегодня точно исключено. Возможно, что и на завтра.

– Меня зовут Кенгорм, – сказал парень, когда остальные девятеро скрылись из виду. – Можете чувствовать себя как дома.

Да уж, как дома, подумалось Солону. Дома своего он не видел уже четыре года, и возможно никогда уже не увидит. А то подобие дома, которое дал ему многоуважаемый герр Сёгмунд, было равноценно этому лесу. В образном смысле конечно – Солон всё равно предпочёл бы тёплую перину и горячий ужин, который выдавали ему в академии.

– Спать, наверное, на траве придётся, – прямо за ухом у Солона послышался голос того самого шестнадцатилетнего парнишки, прицепившегося за ним ранее.

Солон не скрывал, что его немного схватило сожаление о том, что он тут. Этот парень, скорее всего, так же болтлив, как и бесполезен. И если отряду действительно предстоит не спать всю ночь, слушать болтуна придётся очень и очень долгое время.

– Это не так плохо, как кажется, – сказал ему Кенгорм. – Может быть, тебе и понравится.

– Ну, это навряд ли, – ответил юноша, спустив с плеч свой дорожный рюкзак.

– Разгружаемся прямо тут, – проигнорировал его Кенгорм. – Наша цель на сейчас – набрать дров и развести костёр, после чего обсудим план дальнейших действий. С наступлением ночи приходит и холод, а мы не хотим замёрзнуть.

Все четверо немедленно принялись собирать дрова. Как и предполагалось, за Солоним слонялся по пятам тот, кто не отпускал его всю дорогу.

– Как тебя зовут? – спросил он у парнишки, чтобы хотя бы удобнее было обращаться к нему.

– Эрик. Меня зовут Эрик из Радерхоста.

– А я Солон из Акры. Очень приятно познакомиться. Но мы должны быстрее собирать дрова, иначе холод скоро достигнет нас, и мы замёрзнем прежде, чем успеем вернуться.

Эрик послушно кивнул и принялся яростно что-то разыскивать, будто своими действиями спасал мир. Солон не мог вспомнить, где находится Радерхост, знал только, что это то ли герцогство, то ли графство на территории Карнарского Королевства. Зато Эрик просто обязан был знать, где находится Акра – уж слишком это большой и известный город. Тем более, что именно в одноимённой провинции Акра и находилась сама Солнечная Академия.

Костёр вышел на славу – высокие столпы дыма вздымались к верхушкам деревьев, а тепло, исходящее от него, согревало даже на расстоянии. Такой костёр совсем не годится для тех, кто хочет остаться незамеченным. Он, скорее всего, привлекает к себе слишком много внимания.

Однако спустя некоторое время костёр всё же успокоился и стал более аккуратным, как раз таким, который и нужен для четверых людей, сидящих вокруг него.

Четвертого путника звали Райлег, и гляделся он ровесником Солона, правда, чуть покрепче и пошире в плечах. Этот парень был самым молчаливым из четверых, даже молчаливей, чем Солон. Этим он Солону и показался наиболее симпатичным. Райлег, пожалуй, больше всего помог Кенгорму в разведении костра, а оттого и смотрелся сейчас более близким к старшему товарищу.

– Все вместе не будем дежурить, – сказал Кенгорм, грея руки у костра. – Думаю, лучше всего будет устроить вахты по 12 часов. По два человека. Другие двое будут вольны проводить время как им угодно. Ну, может быть, кому то захочется спать все эти часы, а кому-то помочь дежурным.

Это известие больше всего обрадовало Эрика, по взгляду которого это стало сразу понятно. Он прямо-таки был уверен, что первая вахта будет точно не его, и сейчас он с облегчением уляжется спать.

– С наступлением полуночи мы заступим на дежурство, – продолжил Кенгорм. – Сегодня заступаю я и ты, – он указал пальцем на Солона. – К полудню заступят остальные, а мы ляжем спать.

Спать, подумал Солон, и ещё раз прокрутил это слово в голове. Об этом стоит забыть ровно на половину суток, а спать уже хотелось. Что ж, придётся держаться, как получится. Кенгорм ни за что не даст ему уснуть. Если, конечно, не сдастся сам, хотя это очень маловероятно. В этом случае уже Солон возьмёт на себя обязанности лидера и разбудит старшего товарища.

– Значит, я могу сейчас спать? – с плохо скрываемой радостью спросил Кенгорма Эрик.

– Да, – сказал ему молчавший до этого Райлег, который уже сам начинал понимать, как сможет надоесть ему младший товарищ.

– Только поосторожнее спи, – припугнул юнца Кенгорм. – Двоих может и не хватить, чтобы оберегать твой здоровый сон.

Эрик, с трудом поняв, что хочет сказать ему Кенгорм, от изумления раскрыл рот. Этот парень никогда больше не будет нарушать правил академии, он будет ходить возле стенки, и ложиться спать ровно тогда, когда происходит отбой. Лишь бы снова не оказаться на том месте, на котором находится он сейчас.

За спиной что-то угрожающе прошуршало. Будто бы кто-то незаметно прошмыгнул в кустах и тут же пропал. В миг Кенгорм и Райлег насторожились, Эрик же, как и предполагалось, насмерть перепугался. Солон вообще на это почти не среагировал, будто бы так всё и предполагалось.

– Дикая кошка, наверное, – пояснил Кенгорм. – Их не стоит бояться. Таких звуков вы наслушаетесь за ночь просто уйму.

– Спокойной ночи, наверное, – неуверенно сообщил Эрик, которому сейчас больше всего хотелось забраться под одеяло и на тёплую перину, как будто это самое безопасное место на свете, и ни один мирской ужас не достанет его там.

– Райлег, и ты можешь ложиться, – сказал Кенгорм второму парню. – Лучше спите, пока темно. Вам повезло больше, чем нам – нам придётся спать днём, при свете.

Но это не мешает после бессонной ночи сразу же вырубиться. Солону приходилось не спать всю ночь, и он знал, что когда ложишься после этого спать, уже неважно – есть свет или нет, есть шумы или нет, да и вообще на месте ли кровать.

Эрик и Райлег разобрали своё подобие спальных мешков и расстелили их на траве, прямо неподалёку у костра. Уже через несколько минут послышался тонкий и тихий храп Эрика, и Солон поблагодарил судьбу за то, что этот парень всё-таки уснул. Конечно, храп тут абсолютно не к месту. Но маленькое достоинство у него всё же есть – он не даст уснуть.

– Как тебя зовут? – спросил Кенгорм, поддувая огонь.

– Я Солон Моррисон.

– А я Кенгорм, ты, наверное, уже слышал об этом. Как я вижу, ты тут в первый раз?

– Да, в первый.

– А я всего в третий. И могу сказать, что чем дальше, тем интереснее. Очень интересно, наверное, пугать новичков разными страшными историями про это место, но... Ты, я вижу не из таких, и нет смысла тебя пугать.

Конечно, не из таких. Солон не храбрец, и навряд ли им когда-нибудь будет. Но всё же трезво смотреть в глаза реальности он уже привык. Герр Сёгмунд сказал, что в этих местах ничего нет – так почему же ему не поверить? Во всяком случае, у него имеется больше оснований верить проверенному старому профессору, нежели неопытному двадцатилетнему юноше.

– Я и так многое слышал об этих местах, – ответил ему Солон, хотя чуть приврал. Про это место он знал только то, что оно существует и всё.

– Не сомневаюсь, – ровно сказал Кенгорм. – Ты же не в первый год в этой академии?

– Я заканчиваю четвёртый курс.

– А я пятый. Мне этого времени хватило, чтобы услышать все известные байки про академию. И про академию, и про то, что её окружает.

Солону не очень хотелось сейчас разговаривать с этим малознакомым человеком. Не оттого, что он был ему неприятен, скорее даже наоборот. Просто в диалоге с незнакомцем часто появляется некий дискомфорт, и долго думаешь, что сказать. Когда в разговоре с близким человеком, таким, как Бэрз Баззари, слова сами льются, даже иногда опережая мысль.

Солон то ли кивнул, то ли пробормотал что-то вроде «ясно» и принялся дальше слушать Кенгорма.

– Этот лес тут растёт уже тысячу лет. Или больше, наверное, он появился даже до пришествия Аламонта и Смертных Грехов. Тогда по этому лесу определили границу между эльфами и людьми. Этот лес отошёл в сторону эльфов.

– Эльфы любят лес, – Солон решил дополнить то, что в детстве слышал из сказок.

– Да. Сейчас просто любят. А раньше эльфийские королевства полностью занимал лес, и они там жили. Строили что-то вроде городов на деревьях, и поэтому были практически неприступны. Город в лесу найти-то сложно, не то что б его разбить. Однако в этом лесу эльфы не строили своих городов, потому что люди в любом случае были бы против.

Солон подумал про себя, что лично он бы против не был. Но кто б его спросил бы в то беспокойное время? Да и кто б вообще послушал?

– Там дальше болота, – указал рукой в сторону Кенгорм. – Говорят, что большие и непроходимые. Не знаю, на месте ли они сейчас, или уже высохли. Но дед говорит, что во время молодости ещё были. Сам-то я не лазил в ту сторону. Не приходилось мне, да и опасно всё это.

– В болоте затонуть можно.

– Конечно! Это тебе не пруд, тут дно будто бы само засасывает. Да и ноги можно поломать, пока пробираешься. И живность вдруг какая ещё...

– Живность? – насторожился Солон.

– Ну да. Может кто и укусит. А ты никак напугался что ли?

– Да нет...

– Да не бойся – ногу тебе тут никто не откусит. Вот тому пухлому может и да, я думаю, он им аппетитным покажется.

Шутник, подумалось Солону. Такие обычно и становятся первыми жертвами своих же шуток. Как-то резко тон Кенгорма переходил из спокойного и серьёзного в чуть буйный и весёлый.

– Я шучу, – к Кенгорму вернулась привычная серьёзность, что не могло не обрадовать Солона. – Я не знаю, кто водится в этих болотах. И водится ли кто-то вообще.

Солон услышал, как ворочается сзади Эрик и тихо постанывает. Будто ему что-то снится, и он очень этим увлечён. Раздался снова какой-то шелест, но тут же утих. Наверное, опять дикая кошка пробежала. Или случайный лёгкий порыв ветра потревожил листья.

– Снова кошка? – спросил Солон.

– Наверняка, – ответил Кенгорм. – Будем надеяться, что это так. Не утопцы же там шастают...

– Утопцы? – переспросил Солон.

– Да, утопцы, – непоколебимо ответил Кенгорм. – Т же говорил, что многое об этом месте слышал. Получается, что об утопцах ты не знаешь, Солон?

– Получается, что нет.

– Есть древняя легенда, Солон. Довольно банальная и простая. Я же говорил уже о людях и эльфах, когда-то не поделивших этот лес? Так вот тогда разбойники атаковали эльфов, спящих тут, и перерезали всем глотки. А тела выкинули как раз в то самое болото. Потом хвалились, будто бы решили проверить, действительно ли эльфы так бессмертны, как о них говорят. Нет же, они оказались так же смертны. И кровь их была такого же цвета.

– Эльфы просто не стареют, а так они тоже смертны, – сказал Солон.

– Ну да, это так. Но не совсем. Спустя некоторое время эти разбойники снова пошли в этот лес, и сгнули в нём. Поговаривают, что утопили в том самом болоте. Только никто не верил в это, так как эти мужики хорошо знали этот лес, и знали, где находится это болото. А значит, вляпаться в него не могли. Отсюда и пошла легенда, что болото может менять своё местонахождение, подстерегая путника в любом удобном месте.

Солон настороженно слушал товарища и не мог оторваться. Он понимал, что в эти сказки не стоит верить, но в ночное время почему-то всё же продирает чуть страх. Его, Солона, который думал, что никогда не испугается этих жалких рассказиков.

– Чего это ты задумался, Солон? История не окончилась, она только началась. Спустя три месяца каждый из этих разбойников был найден у себя дома... Повешенным. А когда их стали хоронить, они встали из гробов и начали нападать на всех, кто присутствовал на процессии. Пока не были пойманы и сожжены.

– Жутко, – пробормотал Солон.

– Конечно, жутко, – сказал Кенгорм. – Деревенские умеют приукрашивать, чтобы было жутко. Погибшие эльфы ожили, да и убили разбойников, а потом и сами разбойники ожили. Этих и называют утопцами. Которых только огонь и успокаивает.

– Я слышал о других утопцах.

– Но не об этих. Когда-то варвары штурмовали эти земли, и альмунгские эльфы отступили в этот лес. Эльфов было намного меньше, а поэтому они проиграли бы. Но... Из болот восстали утопцы и помогли эльфам убить варваров. После чего вновь легли в болота и уснули.

– И с тех пор их никто не видел?

– Да никто не знает, были ли они вообще. Тех эльфов уже больше нет, у них уже не спросишь. А рассказы местных проходимцев о том, что они якобы что-то видели. Да кто ж поверит в них? Каждому нужна своя слава. Кто-то говорил, что убил утопца, кто-то просто видел.

Солон слышал об утопцах уже раньше. Может о них, и отец рассказывал. Может, кто-нибудь ещё. Зачем Кенгорм поведал ему всё это? Солон не отъявленный трус, но история о том, что недалеко были жуткие утопцы, могла ввести в ужас кого угодно.

– Я бы эту историю малютке Эрику рассказал, – сказал Кенгорм. – Любопытно посмотреть на его реакцию.

– Мне кажется, у него что-то потечёт по левой ноге, и он дезертирует.

– Заблудится по дороге и действительно сгинет в каком-нибудь болоте. И появится у нас новая история об утопце. Да уж, плохая затея, Солон.

– Мы будем наказаны, – ответил Солон, как будто уже констатируя факт.

– Да. Но зато утопцы нас точно не достанут. Что нам до них с моим-то луком!

И Кенгорм погладил свой деревянный лук, лежащий около него. Он так искренне доверял ему, что не боялся никого. И его не смущало, что в колчане было всего семь или восемь самодельных стрел. Которые навряд ли смогут помочь в битве если не с утопцами, то с обычными лесными разбойниками. Если, конечно, врагов не будет ровно семеро и Кенгорм сможет умертвить всех, воткнув в каждого по одной стреле.

– Жечь надо, – пробурчал Солон.

– Вообще встречаться с ними не надо.

После этих слов Кенгорм приподнялся с земли, приподнял свой лук и одну стрелу из колчана. Солон понял, что он пытается показать свои навыки стрелка.

– Вон в то дерево попаду, – сказал он, указав на не очень толстую осину футах в двадцати от костра.

Кенгорм натянул лук и элегантно пустил стрелу в сторону осины. Какая досада – она пролетела в жалком мизинце от осины и пропала где-то в кустах.

– Незадача, – проворчал Кенгорм, увидев улыбку Солона. – Стрел и так мало, придётся эту искать.

Ничего больше не сказав, Кенгорм в одиночку полез в рощу в поисках стрелы. Чтобы перестраховаться, он взял с собой факел. Иначе задача окажется вовсе невыполнимой. Маленькую стрелу в такой куче деревьев найти и так сложно. А тут ещё и темнота. Что ж, удачи, Кенгорм. Найди свою стрелу целой и невредимой, какой она была и до этого.

Колчан Кенгорм оставил прямо тут, в сердцах забыв об этом. А ведь потом пожалеет – и стрелы, и лук, и колчан парень очень ценил. Солон посчитал за свой долг посмотреть за этим предметом. Невесть сколько будет носить Кенгорма в поисках злосчастной стрелы.

Однако раньше случилось кое-что другое.

– Солон! – раздался испуганный вопль Кенгорма, никак не свойственный ему.

Солон сначала собирался проигнорировать его, но интонация голоса Кенгорма заставила его зайти в рощу. Не сказать бы, что она была жутко непролазной, но ветви всё же так и норовили влезть ему в глаза. У него же не было факела, в отличие от Кенгорма, и нечем было освещать дорогу.

– Солон! – раздался голос Кенгорма, находившийся уже совсем рядом.

Солон раздвинул ветви и увидел нечто ужасающее, что повергло его в шок: Кенгорм стоял на краю болота, а возле его ног лежал посиневший труп мужчины. Он был лишён всей

одежды, кроме оборванных штанов, и глаза его были закрыты, но появился он как ни странно вовремя и к месту.

– Это ты его... Из лука? – испуганным голосом спросил Солон, приблизившись к Кен-горму и новому герою.

– Нет. Я ещё не нашёл стрелы. Это утопец, то есть утопленник. Надо закопать его в землю. И если малыш Эрик узнает, он не переживёт...

Глава 3. Сфера Вечности

I

Она окинула своим зорким взглядом то место, которое сейчас предстало перед ней. Величественное место, что звалось Солнечной Академией, виделось ей впервые.

Лёгкий ветер лишь чуть-чуть обдувал её плечи, а смеркающееся солнце всё плавнее и плавнее спускалось за горизонт за её спиной. Будто бы провожая молодую девушку в путь, навстречу нелёгкой и опасной миссии.

Она сидела на лёгком и грациозном коне, который своим идеалом будто бы специально родился для неё. Плечи её укрывал чёрный дорожный плащ с очень большим чёрным капюшоном, а на ногах были высокие тонкие сапоги. На плече горделиво восседал и оглядывался по сторонам своими красными, словно кровь глазами, сокол-альбинос Лютик. Пожалуй, именно это странное существо было самым ужасающим в образе молодой и прекрасной Гельфиды Анистон.

Она уже давно набралась духа и была идеально готова к тому, что ей сейчас предстояло. Гельфида уже давно догадывалась, что ей всё равно к чему готовиться – она всегда ко всему готова. Будь то поединок с ордой врагов или огромным драконом, либо же... Свидание с прекрасным принцем.

Только вблизи Академия не казалась обычным дворцом. Возвышались её величественные пики, поражали строгостью её каменные стены, вдохновляли живописные пейзажи тех мест, что прилегали к ней. Но на самом деле это была крепость. Не то чтобы неприступная крепость Аламонта или Лунного Владыки, но впечатление того места, где можно находиться в спокойствии, она создавала.

Но эта крепость неприступна точно не для неё. Если вообще такая крепость существует или когда-то будет существовать. Оставив коня на дороге, она направилась в сторону замка, где и предстояло вести ей своё дело.

Сумерки – идеальное время для подобного преступления. Не так заметно как днём, но никто и не будет ждать её, ведь ещё не ночь. Дозорных наверняка ещё не выставили, если они вообще есть здесь. Да и сами дозорные вряд ли могли представлять из себя мало-мальски серьёзную угрозу. Никто, конечно не собирался убивать их, тем более в их роли скорее всего выступят сами адепты, пусть и с курсов постарше.

Медленно, пробираясь ползком под травой, Гельфида подползла к стенам Академии. Совсем недалеко провыли волки, будто бы предвещая какую-то грядущую беду.

Это же магическая академия – стены в ней сами по себе неприступны, не говоря уже о том, что, скорее всего, заколдованы. Но Гельфида была готова ко всему – ведь её привёл сюда дед, а он хорошо знал все уловки и хитрости своего старого друга – герра Сёгмунда. В карманах у неё был порошок, подаренный когда-то самим же герром Сёгмундом герру Анистону. Он делал Гельфиду незаметным для всевозможных магических уловок. Кроме самых мощных, разумеется.

На шее висели амулеты и обереги, на руках по браслету. И всё ради того, чтобы остаться незаметной. Но, к сожалению, ничего из этих инструментов не давало абсолютной невидимости, которая в этом случае была бы как нельзя кстати. Поэтому больше пришлось полагаться на свои силы.

Гельфида поспешно забросила свой крюк на первую попавшуюся сетку на окне и принялась беззвучно подниматься. Навряд ли её верёвку можно было заметить из того окна, куда она кинула крюк, потому как слишком незаметной и неказистой казалась она с первого взгляда. В это окно не проникнуть, так как оно было намертво закрыто стальной решеткой. Придётся выискивать другие ходы, возможно более сложные.

Но для неё ли сложность является значимой преградой? Закинув свой крюк ещё выше, она стала подниматься всё дальше и дальше, словно это была совершенно не отвесная стена, а вполне удобная лестница.

Подозрительно тихо было в каждом из окон – нигде не светили лампы, не горели даже несчастные свечки или лампадки. Будто бы они все уже спали, хотя такое время было ещё слишком ранним для отбоя. Даже для адептов.

Так постепенно и размеренно Гельфида оказалась на крыше. Ей очень повезло – она не была никем замечена, и даже подозрений на это не было никаких. Всё так же тихо, словно каждый из всех, кто в этой академии обитал, видел если не седьмой, то хотя бы шестой сон.

Крыша была слишком отвесной, чтобы неукротимо бежать по ней, но ходить по ней можно было вполне спокойно. И перелезть на другие крыши, коих насчитывалось здесь бесчисленное множество, и каждая из них на разной высоте, и с разным уровнем пологости. Тут были и высокие пики башен Академии, но на них Гельфида не решалась залезать. Крюку тут даже почти не за что зацепиться. А если даже и есть за что, то большой риск упасть. А это в планы молодой девушки не входило.

Здесь, на крышах красовались небольшие, но вполне себе аккуратные статуи. Как они тут оказались, и что вообще делали на крыше, Гельфиде было не понять. Слишком уж нелогичное место для такой красоты – никто тут не видит их, а оттого никто и не оценит.

Гельфида получила от герра Анистона вполне понятные указания по поводу того, что делать, когда и как. План здания Академии тоже был ей вполне известен, так как старик перед прощанием успел начертить его на листе бумаги. Конечно, это были не самые точные очертания, но герру Анистону не раз приходилось бывать здесь, так же, как и не раз общаться с герром Сёгмундом.

Здесь сверху, с высоты тех семнадцати этажей, что насчитывала в себе академия герра Сёгмунда, захватывало дух так же, как и на главной башне Обсерватории герра Анистона. Однако непривычный взгляду пейзаж не так радовал глаз Гельфиды, как родные места. Несмотря на то, что здесь вдалеке красовался вполне живописный лес, а по другую сторону большое озеро, названное Бессмертным Озером ещё в стародавние времена.

Но всё испортил внезапно оказавшийся здесь неотесанный гоблин, который видимо и служил дозорным этой крыши. Гоблины вообще-то славные и простодушные создания, в отличие от своих собратьев орков, но здесь он всё же оказался совсем не к стати.

Конечно, нельзя его убивать – этот бедолага просто выполняет свою работу, возможно даже по принуждению. Он хоть и был весьма крупным для своего племени, в боях проверен всё же ещё не был. И навряд ли когда-то будет. Гельфиде удалось скрыться от него за одной из маленьких красных башенок. И едва он повернул своё уродливое лицо, как весь шорох, что он слышал до этого, пропал.

Гельфида проскочила ещё несколько платформ на этой крыше, но уже без всяких опасностей и угроз в виде гоблинов. Тут она и нашла пробрешину в крыше, о которой вряд ли кто-то знал, кроме самого герра Сёгмунда. Да и тот, верно, уже давно забыл об этом.

Маленький ржавый люк, хоть и закрытый на маленький замочек, абсолютно не был обременён магической силой. Сколько бы всевозможных и хитрообразных защит не ставил могущественный герр Сёгмунд, про это место он всё же забыл. Упустил из виду, проигнорировал, неважно. Гельфида уже была в Академии.

Она оказалась в какой-то подсобке. Тут хоть и было жутко темно, но она смогла разглядеть тут метёлки, веники, швабры, и тому подобную ересь, которая в этом месте смотрелась очень и очень неестественно. Неужто и здесь люди работают? Своими руками?

Гельфида, попутно наступив на несколько швабр и пару раз чуть не споткнувшись о них, всё таки нашла выход. К счастью, скрипучая деревянная дверца была открыта. Но Гельфида и без этого скрипа наделала много шума, пока выбиралась через гору швабр. Но её неуклюжесть

не вышла ей боком – никто, похоже, её не услышал. В коридоре царил такой мрак, который, наверное должен стоять в огромном дворце, который враз покинули все его обитатели.

На стенах горели свечи, которые не укорачивались по времени своего горения, потому что были так заколдованы. Они бы горели тут вечность, так и оставаясь полными и филигранно ровными.

Однако не все в этой академии сейчас спали. Из какого-то помещения, находившегося по левую сторону от Гельфиды, доносился свет более яркий, чем царивший в подземельях. Наверняка эти колдуны придумали какое-то устройство, позволяющее получать свет ярче света обычной свечи. И сейчас активно пользовались им. Спрятавшись за невесть откуда появившимся громоздким шкафом, Гельфида стала подслушивать. И подсматривать.

Из этого помещения вышли двое – молодая и высокая девушка в красной одежде и с короткими волосами, а с ней низенький, но коренастый профессор в чём-то, напоминающем пижаму.

– То, что случилось, повергло всех в шок, – сказала девушка.

– Вести пришли только что? – спросил профессор.

– Профессор, если вы отлучились в это время, то пропустили очень многое. Найдено тело одного из наших адептов, Кенгорма Старвега, в лесу. Ну, как тело. Всё отдельно – ноги, туловище и ноги.

– Просто ужас. Что случилось, вам не известно?

– С ним в заставе были ещё ребята. Райлега Эрисона и Эрика Бэррутона удалось найти живыми, но они чересчур напуганы. Поговаривают о появившихся утопцах. Третьего – Солона Моррисона так и не удалось найти. Вероятно, мальчик погиб.

– Так это дело рук утопцев? – удивился профессор. – Но как же они могли оказаться здесь? В этом месте, самой Великой Дланью защищённой от зла!

– Никто не знает. Ни одного утопца найти не удалось. Их даже если убить, то через некоторое время они снова оживут и убегут.

– Чертовщина какая-то, – проворчал профессор. – Неужто герр Сёгмунд мог допустить такую промашку, отправляя их туда?

– Даже великие могут ошибаться, – ответила девушка, – герр Сёгмунд не исключение. Наверняка ему достанет сил разобраться в этом.

– Я буду молиться за это, – ответил профессор, после чего эта пара исчезла во тьме. Свет в том помещении потух, а значит, Гельфиде открылся путь дальше.

Больше на этом этаже она никого не встречала. Что, несомненно, было к лучшему. Интересно, а где в это время находится герр Сёгмунд и что делает? Он вообще спит когда-нибудь? Если и спит, то было бы замечательно, если бы он спал прямо сейчас.

Перебравшись через подвесной переход в другой корпус здания, Гельфиде пришлось подняться по круглой лестнице ещё четыре этажа. Потому что в этом корпусе было больше этажей. Именно в этом здании-полубашне, и должны был находиться Сёгмунд, Сфера Вечности и тот заветный сад. Если Гельфида не ошибается, и это действительно самое высокое место в замке.

Она медленно поднималась по лестнице, опасаясь крошечной темноты, что воцарилась здесь. Гельфида, конечно, боялась темноты только в детстве, но здесь её опасаться стоило. Так как никто не отменял изобретательности герра Сёгмунда, а в особенности его сюрпризов.

Но между тем всё развивалось довольно неплохо – выйдя в небольшой и слабо освещённый коридор, она шмыгнула в сторону махонького и почти незаметного балкончика, и с этим не прогадала. Гельфида узрела с этого сооружения грандиозный и огромный сад, который хоть и не освещался дневным светом, но в котором было видно каждую его часть, каждое дерево и каждый листок. Пусть и с лёгким оттенком ночи.

Сад Сёгмунда раскидывался дальше, чем могла окинуть взглядом Гельфида, а оттого он и казался чем-то недостижимым, словно безумное полчище врагов, с которыми предстоит сразиться.

Такое не могло вырасти само собой, потому что это было точно невообразимо. Ни один из живописных лесов Эльфьена, Эльмарона или старого Латьена, кои Гельфиде удавалось видеть на картинках, не смог бы сравниться с ним по красоте. Очевидно, мудрый герр Сёгмунд пустил в ход свою мощную магию, и потратил её он немало для того, чтобы получить то, что в итоге получил.

Гельфида прыгнула с балкончика, перекувыркнулась пару раз, чтобы не получить травмы, и вытащила из-за спины свой клинок. Она не собиралась им никого резать, не желала увидеть здесь тех, кого надо убить. Но требовалось хранить бдительность, чтобы избежать нелепой гибели там, где не надо.

Пробираясь сквозь зелёные, и яркие, словно равнины Эльфьена, ветви, она не замечала тут ничего необычного. Если, конечно, за необычное нельзя было считать самого сада. Однако чуть позже взору Гельфиды открылось то, за чем она и проникала сюда.

Стало понятно, почему в саду Сёгмунда было так светло, несмотря на окутавшую долину ночь. Сфера Вечности, словно какой-то светоч, дарующий всему живому жизнь, наделял светом и благодатью и этот сад. Гельфида нисколько не смыслила в науке, где изучается то, что вращается вокруг солнца. Но ей вполне было известно, что вокруг неё вращается несколько планет.

Только чуть позже Гельфиду окутала мысль о том, что она не знает, как унести это «игрушку» с собой. Сфера Вечности хоть и не была размером с половину сада, но занимала своим объёмом гораздо больше места, чем девушка могла бы унести с собой.

Она подошла к Сфере Вечности поближе, ещё раз пристально взглянула на неё и поняла, что зрелище её очаровало. Словно видя себя на маленьком голубом шарике, она чувствовала некое слияние между ней, настоящей, и той ей, что в миниатюрном варианте обитала в Сфере. Казалось бы, и сильно уменьшенные облака ничем не отличались от настоящих, тех, что в ясную погоду видно на небе. Но откуда там облака, ежели сейчас ночь? Это заинтересовало бы Гельфиду, будь ей лет на 6-7 поменьше, да и не будь её душа обременена важной миссией.

Зато сквозь эти облака было трудно различить те материи, наличие и количество которых Гельфиду с недавнего времени очень заинтересовало. Сначала она увидела огромный материк, простирающийся далеко с запада на восток, но потом поняла, что это Родевиль и Оректис находятся так близко. Они мало чем отличались от тех, что Гельфиде приходилось видеть на различных картах у деда. Совершенно точно существовал и Татмос – забытый материк, о котором приходилось только слышать. Но он был чуть меньше того, что имелся на глобусе у герра Анистона, а так же с совершенно отличным очертанием южного побережья. А то, что было на другом полушарии, скрывалось под очень толстым слоем облаков, из которых только смутно можно было разглядеть зелёные, коричневые или даже чёрные клочки суши. Будто бы сами Боги не хотели того, чтобы родевильцам стало известно о «Неизведанных Землях».

– Отличные навыки конспирации, – неожиданно раздавшийся голос за спиной застал врасплох забывшуюся Гельфиду. – Но меня ими не провести.

И прежде чем Гельфида узнала в голосе некогда знакомого ей герра Сёгмунда, она поняла, что двигаться уже не может. Тело словно оцепенело от паралича, и как бы ей не хотелось шевельнуть хоть чем-то, это даже близко не удавалось. Никакие амулеты, что дал на прощание Гельфиде дед, не помогли против этого, ибо они не могли быть сильнее магии старого и опытного волшебника.

– Что ты забыла здесь, отважная воровка? И кто ты?

Неожиданно Гельфида поняла, что её губам всё же дозволено двигаться, поэтому она вполне могла говорить.

– Я не скажу своего имени. Лучше убей!

– Можешь не говорить, – с лицедейской ехидной улыбкой произнёс герр Сёгмунд.

Мгновенно они перенеслись из прекрасного вечернего сада в какое-то затемненное помещение, служившее, скорее всего, рабочим кабинетом старика. Теперь безвольное тело Гельфида, словно распятое на невидимом кресте, упиралось в стенку.

– Я и так знаю, кто ты, – сказал профессор. – Гельфида Анистон, если конечно, ты ещё незамужняя. Я не ошибся?

Гельфида стиснула зубы и промолчала. Она в ловушке. Но нельзя сдаваться, потому что сдаваться её никогда не учили. Несмотря на позднее время, герр Сёгмунд был облачён не в ночной халат, а серый брючный костюм. Словно бы вёл сейчас занятие, а не готовился ко сну. Вкупе с поимкой преступников.

– Как угораздило моему старому другу Норду посягнуть на то, что принадлежит стенам этой Академии? Моей академии?

– Оно никогда не было вашим, герр Сёгмунд, – всё же подала голос Гельфида. – Оно принадлежит Ордену Девятого Солнца и только ему!

– Слабо верится в то, что несуществующий уже орден может на что-то претендовать! Если Глобус Аббаса когда-то и принадлежал этому Ордену, так те времена можно найти только в книжках по истории! Либо вообще в «Легендах Родевиля»!

– Орден Девятого Солнца никогда не погибал, – гордо и сквозь зубы пролепетала Гельфида. – он чтит свои традиции и готовился к наступлению Парада. Мой дед, герр Норд Анистон является великим магистром и Лордом-Командующим этого Ордена!

– А ты, Гельфида, как я понял, его единственный участник?

– Будут ещё! Будут ещё, и мы станем сильнее, чем прежде!

Герр Сёгмунд, словно маленький ребёнок, улыбнулся до ушей и уселся в своё кресло. Теперь он и впрямь походил на маразматичного столетнего старичка. Он ткнул двумя указательными пальцами в сторону парализованной Гельфида и ответил ей:

– Не смейся меня, девочка. Я ценю ваши старания. Все, которые вы сделали. Но Орден Девятого Солнца – забытая вещь. И я вполне уверен, что ты и мой старый друг Норд не для того посягают на это великое сокровище, чтобы сбереечь его, а для того, чтобы лишь самоутвердиться в этом гнусном обществе!

– Да как ты только смеешь говорить об этом?! – Гельфида попыталась крикнуть эту фразу как можно громче, но её рот не открывался на нужную ширину. – Мы чтим традиции, а не стремимся к славе!

Гельфиду уже начинало поражать то, как быстро она прониклась идеями своего деда. Даже сейчас, когда её положение можно было охарактеризовать в лучшем случае безысходностью.

– От кого же ты унаследовала такой буйный нрав, девочка? Отец твой был слишком смиренным, а дед спокоен и мудр.

– Мудр, а потому и требует принадлежащее ему по праву!

– Если уже на то пошло, Гельфида. То по закону это принадлежит не старику, а его пресловутому ордену. Но сможет ли он дать Сфере Вечности, величайшей реликвии всех времен и народов надлежащую защиту? Всю свою долгую жизнь я стремился к процветанию того, что отлично от большинства людей. Иначе говоря, магии. Сорок лет стоит эта крепость под названием Солнечная Академия, и сорок лет подряд мы живём в спокойствии и процветании. Оттого что мы дали Сфере Вечности отличную защиту, и она от этого благодарит нас своей благодатью и силой. Мы защищаем её, а он защищает нас. Так есть ли смысл лишаться того, что и так вполне всех устраивало? Искать добра от добра?

– Есть, – твёрдо сказала Гельфида. – Если мы преследуем истинно святую цель.

– Это грёзы. В этом смысла нет.

– Она проснулась! – Гельфиде всё же удалось воскликнуть.

Сёгмунд резко переменялся в глазах. Видимо, такого он не ожидал.

– Ах, вот как, – размеренно произнёс он. – Это значит, что всё гораздо хуже, чем я ожидал.

Гельфида поняла, что может шевелить уже не только губами, но и чуть большей частью лица – герр Сёгмунд ослабил свою хватку, и это зажгло в её сердце лучик надежды. Но уже через секунду он развеялся как дым:

– Но это ничего не меняет, Гельфида, дочь Георега, – грозно сказал старик и снова встал. – Сфера Вечности останется здесь, как я сам предназначал вместо судьбы! Я дам ей защиту, за это можете не беспокоиться – ты и Норд! Если ты сейчас говорила правду о том, что она проснулась, то я не буду тебя наказывать. Но!

– Что но? – воскликнула взбешённая Гельфида.

– Ты должна знать! Если кто-то из вашего ордена, какая-то пресловутая крыса или мошка, сунется сюда с притязаниями на моё сокровище, то поплатится своей жизнью немедленно же. На это у меня сил достанет, можешь мне поверить.

Гельфида молчала, стиснув зубы с такой силой, с какой только могла. Взбешённый взгляд её обещал воспламенить собой всё, что только находилось вокруг. В том числе и самого герра Сёгмунда, который стал сейчас для неё самым ненавистным существом во всём мире, которому не найти ему прощения ни в одном уголке из тех планет, что вращались в Сфере Вечности.

Но неожиданно тело Гельфиды вдруг словно освободилось от невидимых оков, удерживающих её на невидимом кресте, и она с грохотом упала на каменный пол. Для того, чтобы сгруппироваться, не было времени, но, к счастью, она ничего себе не отшибла во время падения.

Невесть откуда появившийся нерасчесанный мужик, словно выросший из пола, ударил эфесом своего меча прямо в затылок герра Сёгмунда. И старик, судя по всему, потерял от этого сознание. Он немощным грузом упал на пол. И, если он притворялся, то выглядело это довольно правдоподобно. Да и нелепо.

Да как это существо смогло сделать то, что не удалось самой Гельфиде? Он не брился пару месяцев, волосы до плеч запутаны словно морские узлы, а чёрное одеяние потрепано, словно он вылез из канавы. Да и порвано! Может он ещё и воняет?

– Ты бы хоть спасибо сказала, – произнёс он и протянул ей руку.

Скрепив сердце, она схватилась за неё и приподнялась. Нет, он не вонял. По крайней мере, не вонял ничем противным, и это можно было посчитать за успех.

– Я бы сама с ним справилась, – гордо сказала Гельфида.

– Конечно, – улыбнулся он и легко захохотал. – Я уверен, что план был полностью под твоим контролем!

Гельфиде было неловко, но ей понравилась улыбка этого незнакомца. Если его привести в порядок, то получился бы вполне видный... Хотя о чём она думает? Какие видные мужчины, когда вокруг столько дел?

– Спасибо, конечно, – сказала она. – За спасение, как ты его называешь, и за твоё утончённое чувство юмора. Но нам пора прощаться. Позволь, я возьму своё, и уйду отсюда.

– Своё? – скривил рот незнакомец, резко скривив свою улыбку. – О чём это ты?

– Штука, которая находится в этом саду...

– Она моя, – сказал мужчина, и взгляд его стал грозным, как ни у кого бы то ни было.

Он вытащил из ножен свой тяжелый меч, и, покрутив его в руке, поманил к себе пальцами Гельфиду. И если та и испугалась, то виду не подала.

– Ошибаешься, бродяга.

Минула ночь, а за ней и ещё одна. К счастью, погода за это время не портилась, и дожди или холод не докучали обитающим в лесу. Солон и Кенгорм, как и договорились, ничего не рассказали Эрику-трусичке об увиденном прошлой ночью. И для пущей безопасности, решили укрыть эту тайну и от Райлега. В его храбрости сомневаться было нельзя. Но вот в честности... Они слишком недолго его знали, чтобы так доверять.

Солон не знал, решит ли Кенгорм рассказать об этом командиру караула, и тем более герру Сёгмунду. Он вообще не пытался разговаривать на эту тему со старшим товарищем. Да и вообще после увиденного они практически не разговаривали.

Поначалу Кенгорм собирался его закопать, но потом понял, что яму выкапывать очень долго, да и потребует это много сил. Поэтому переглянувшись, Солон и Кенгорм, просто выкинули его в болото, как можно подальше от этой стоянки. Конечно, труп лучше упокоить надлежащим образом – закопать или сжечь. Пожалуй, стоило его лучше сжечь. Но это могло бы привлечь внимание соседнего дозора. И никто не знает, что могли бы они подумать, явись к ним. Могли бы посчитать, что два незадачливых караульных убили несчастного путника, и теперь стараются избавиться от всяких улики.

Солон нёс покойника в руках, он это помнит. Мертвец был весь белый, и у него выступали уже синие вены на лице и руках. Когда дело закончилось, Солон был почти таким же белым. Интересно, что бы на его месте почувствовал малышка Эрик?

Солону до этого приходилось видеть мертвого человека, но это не выглядело так жутко, как сейчас. Далеко не так жутко. Тот человек умиротворенно лежал, будто бы не мертв был, а просто спал. Забыв, как дышать и не пользуясь этим.

Как понял Солон, Эрик и Райлег отстояли свою смену без происшествий. Во всяком случае, никаких мертвецов они, похоже, не увидели. Ибо никаких криков Эрика Солон во время сна не услышал. Он либо тоже спал, либо просто героически отстоял свою смену.

Солон ещё никогда так сладко не спал днём, при свете солнца. Если бы он не был настолько смертельно усталым, то навряд ли уснул бы в ближайшие часа 2-3. Мысли об увиденном не дали бы ему успокоиться, пока усталость окончательно не одолела бы.

– Интересно, а другим отрядам сейчас так же плохо? – поинтересовался Эрик во время обеда.

Он только что зацепил хорошо обжаренную сосиску, на которую интенсивно дул, пытаясь как можно больше её охладить. Райлег, который всё ещё румянил свою сосиску над костром, жёстко ответил ему:

– Помолчал бы ты, малышка Эрик. Два дня уже отстояли, и никто не развалился. Неужто простоять ещё четыре трудно?

– Два дня мы ещё не простояли, – сказал Эрик, так и не надкусив сосиску. – Отстоим ночь, тогда уже и будет два дня...

– Всё равно замолчи. Не люблю, когда детки плачут.

Кенгорм сидел чуть поодаль и молчал. Он так и не сел за обед. Вероятно, он уже поел что-то один, будучи в карауле. Или просто кусок в горло не лез. Хотя навряд ли – ведь Солону всё отлично лезло. Он успешно съел свою долю из четырёх сосисок, и с радостью съел бы ещё, если бы весь их рацион не был предельно точно расписан Кенгормом.

– Сегодня ночью Эрик спит, – сказал Кенгорм, так и не оборачиваясь ни на кого. – И вместо него в дозор выхожу я.

– Но почему? – спросил Эрик, даже не успев обрадоваться.

– Ты должен радоваться Эрик, а не расспрашивать меня что да как.

Солон, сидевший возле Райлега, делал вид, что не слушает эти слова. Но он прекрасно знал, почему он не хочет пускать Эрика в ночную смену. Его опасения были гораздо большими, чем у Солона, который как-то уж слишком спокойно отнёсся к увиденному. Относительно.

– Малышка Эрик просто счастлив, – пробурчал Райлег.

– И я бы на его месте был счастлив, – сказал Кенгорм, всё так же не поворачивая взгляда. – скажи мне честно, Райлег, ты не спишь во время ночного дозора?

– Да нет, – пожал плечами юноша.

– Я же сказал – говори честно.

– Да честно нет, Кенгорм. Сам не сплю и малышке Эрику не даю.

– Это хорошо. Это очень хорошо, – пробормотал Кенгорм. – Я могу доверять тебе, значит ты будешь мне верным помощником, а то Солон устал и его смена закончилась.

– Помощником в чём, Кенгорм? – неожиданно поинтересовался Райлег. – Что-то случилось?

Нет... Райлег всё равно ни о чём не догадывался. Даже не мог догадываться, не говоря уже об Эрике, который думает только об одном. Когда всё это закончится, и он наконец-то сможет вернуться обратно в общежитие Академии, в свою тёплую кровать, в гости к горячей и вкусной еде.

Если рассуждать о подозрениях Райлега, то можно подумать, что они основывались только на реакции Кенгорма. На его непонятном настроении, на его тихой речи или вообще постоянном молчании. Но, навряд ли Райлег этим вообще сильно интересовался. Этот парень был слишком апатичен – даже апатичнее, чем Солон.

– Ничего не случилось, – резко парировал Кенгорм. – Пока что. Поэтому сегодня я иду вместо Эрика. Потому что так надо. Потом, что нужно, я всем сам расскажу.

Райлег ничего не ответил ему. Он, молча закончив трапезу, завернул вилку и тарелку в свой дорожный мешок, предварительно ополоснув их в ручье, вытекающем из болота.

Подозрительно, но вода в нём была очень чистая. Не под стать всему болоту, которое немного поодаль было совсем зелёным. Подумав об этом, Солон снова представил, какой же окажется вода в том месте, куда они с Кенгормом выкинули... Неважно – но ведь трупный яд. Вдруг какой-то сумасшедший решит оттуда напиться? Бред конечно, но всё же вдруг?

В такой слегка напряженной и молчаливой обстановке наступил и вечер. Может быть, солнце ещё не опустилось за горизонт до конца, но за огромными и пышными деревьями это было навряд ли возможно разглядеть.

Солон, лёжа на матрасе под плотным одеялом и засыпая, наблюдал, как Райлег и Кенгорм таскают ветки для того, чтобы развести костер. Но в этот раз их уже накопилось как-то непривычно много. И самое странное, что Кенгорм велел принести ещё больше.

Вскоре от костра заметно потеплело, что заставило Солона наполовину снять одеяло. Он итак укрывался под ним в одежде. Потому что уже успел понять, какими холодными порой бывают тут ночи. Быть может, поэтому Кенгорм решил развести такой большой костёр? Потому что испугался холода? Или просто не решил рисковать?

Как сладко сейчас Эрику – он уже сладко похрапывал, укутавшись в своё теплое одеяльце. Ему сейчас снится Академия, скорее всего его кровать. Мягкая, не в пример этому полурваному матрасу, выданному из каптерки в Академии, которую, судя по пыли, не открывали уже лет двадцать. А то и того больше.

У Солона были не до конца закрыты глаза – они были прищурены. А сам он тихонько, без всякой задней мысли наблюдал за Кенгормом и Райлегом. Подле себя Кенгорм держал свой драгоценный лук и не сводил с него глаз. Райлег тихонько похаживал взад-вперёд, оглядывая окрестности. Но ни слова, ни единого звука – ничего от них обоих не было слышно. Они не перекинулись ни единой фразой. Солон не слышал привычных историй Кенгорма – страшных или не очень, которые он постоянно, с лёгкой ухмылкой на лице, рассказывал, стоя в дозоре.

Солон и не собирался слушать их разговоры – ему было это неинтересно. И к тому же это не особо прилично. Но он понимал, что спать особо не хочет, а до следующей ночи ещё уйма времени, чтобы отоспаться. Поэтому он перевёл взгляд на монотонно горящий костер. Клубы огня и дыма вздымались всё выше и выше, и не было этому конца. Засмотревшись на это,

Может, поэтому у Райлега так хорошо это получалось? Великая сила в его молчании? И молчанием он добивался гораздо большего, нежели разговорами?

Солон же орал заклинания во всю мочь – но мочи орать громко у него не было. Сипловатым голосом он произносил всё, что знает. И совсем не пытался использовать невербальную магию – словами, должно быть, надежнее.

Но, как понял он сам – магом он оказался не сильным. Утопцы от его ударов не подышали, они просто отскакивали в сторону, а затем вставали и шли снова. Правда, одному Солон смог эффектно снести голову. Возможно, конечно, это сделали Кенгорм или Райлег, но навряд ли – эффект больше походил на заклинание Солона.

– Тревоооооооооооога! – снова заорал Кенгорм, на этот раз ещё громче, чем было.

От этого крика у Солона даже зазвенело в ушах, но он на это не обратил внимания. Тот, кого он пять секунд назад лишил головы, поднялся и снова двинулся в наступление.

Становилось слишком тревожно – они ещё больше приблизились. Теперь уже к самой критической точке. Умертвий не стало меньше – они поднимались снова, некоторые без рук и без голов, с огромными дырками в теле, и продолжали своё наступление.

– Они наступают сзади! – панически закричал Кенгорм.

– Со всех сторон! – подхватил Райлег, и Солон понял, что это правда.

Он обернулся и увидел их. Там, с других сторон, появлялись новые, на этот раз уже целые. Относительно целые, если не считать того, что все они уже когда-то умерли. И судя по смраду, исходящему от их тел, сделали они это уже давно.

– Нужно бежать, Кенгорм, – сказал Райлег. – Нам не справиться с ними, сейчас они нас просто размажут.

– Но нам некуда бежать! – подхватил Солон.

– Есть куда, – сказал Кенгорм. – Хотя стоило это сделать сразу. Все знают заклинание Бога Эррегуса?

– Что это значит? – удивился Райлег.

– Ах, – махнул рукой Кенгорм. – Нет времени. Просто повторяйте за мной.

И он вытащил свою палочку. И тихо, размеренно, будто утопцев уже больше нет, начал бормотать.

– Во имя Света и Тьмы, – сказал он, и Райлег и Солон так же спокойно это повторили. – Насущности нашей, в которой мы живём, находясь меж Светом и Тьмою. И Силы Эррегуса, наделившего нас душою, жизнью, и властью над нею.

Утопцы будто бы чего-то испугались и снизили свой темп. Все, даже те, кто находились дальше всего. Теперь стало понятно – у героев в запасе появилось около минуты, прежде чем их разорвут на кусочки.

– Не приказываю, не заставляю, но прошу. Ради порядка, найденного в Хаосе и подаренного нам тобою. И жизни своей, что находится в твоих руках! Надели Светом, надели Тьмою, надели Силой Всемогущей и Мощью Нерукотворной, да спаси от врагов.

– Да спаси от врагов, – договорил Солон это заклинание, хотя больше ему напоминало молитву. Языческую молитву Старым Богам.

– Армалиендо! – воскликнул Кенгорм, что есть мочи взмахнув волшебной палочкой.

То же самое тут же повторили Солон и Райлег.

Сила, что заключалась в заклинании, одновременно покинула сразу три палочки. И уже в воздухе воссоединилась в один огромный луч света, который почти беззвучно разошёлся в разные стороны. И он сразил сразу всех утопцев, будто бы те были всего лишь игрушечными куклами.

Поначалу Солону показалось, что все они разлетелись в прах, но на самом деле они просто разлетелись в стороны и лежали на земле, а кто и в болоте. Но они всё ещё двигались, и

пытались подняться. И те туши, что некогда было их телами, остались нетронутыми. Чего же добился Кенгорм?

– А теперь нужно бежать, – прошептал он. – Не оглядываясь на них и не вступая в бой. И главное – в разные стороны! Что есть мочи!

Солон и Райлег, к счастью были не Эриками – дважды им объяснять не приходилось. Не приходилось объяснять, что делать и куда бежать.

Оба, словно синхронно ломанулись со всей силы в разные стороны. Солону выпало бежать в ту сторону, где больше болот и утопцев, но он об этом совершенно не думал. В болотах труднее передвигаться не только ему, но и самим утопцам. Но тут их больше, чем там, где бежит сейчас Райлег.

Солон не замечал ни веток, которые хлестали его по лицу, пока он бежал. Не замечал он и того, что по щиколотку проваливается в топь, и окончательно промочил свои ноги. Где сейчас Кенгорм? Он успел убежать? Как дела у Райлега? А Эрик? Этому придется труднее всего. Хотя что-то подсказывало, что именно ему повезёт больше всего. Ведь он убежал раньше всего. Хотя, может именно это сыграет с ним жуткую шутку?

Солон старательно бежал по тем местам, где более-менее было сухо, хотя в таких местах не так трудно провалиться и в само болото. А мало ли, что скрывается под водой. Это же ведь очень ужасные места, и ожидать теперь от них можно что угодно.

Да откуда вообще тут появились эти утопцы? Неужто истории Кенгорма, которые до этого Солон считал сказкой, оказались правдой? Те самые истории о битве, некогда прошедшей тут, и о куче воинов, сраженных в этих болотах и оставшихся тут навсегда. Но ведь Сёгмунд говорил, что всё будет хорошо! Что в этих местах не опасней, чем в том саду, в котором он получил это задание – шесть ночей и шесть дней здесь. Неужто прославленный ректор обманул? Неужто это и было его планом – в качестве наказания отправить Солона и остальных наедине с утопцами? Оставить на растерзание этим ужасным тварям! Сам-то герр Сёгмунд справился бы с ними на раз-два. Он был слишком великим волшебником, чтобы не справиться. В этом не сомневался никто.

Когда Солон пробежал мимо утопцев, становилось ещё более жутко. Не оглядываясь – один из советов Кенгорма, расцененный как приказ. Но всё же соблазн был сильнее – Солон оглядывался пару раз и замечал тех мертвецов, что уже поднялись и идут за ним. Они не могут бегать, но почему-то казалось, что они не будут отставать.

Вскоре Солон понял, что топь он миновал – тут была сухая земля. Втайне он надеялся, что выберется к одному из других постов, откуда последует подмога. Либо же они разделят с Солоном смертельную участь. Кто знает – вдруг Кенгорм, Райлег или Эрик смогли выбраться туда и им сейчас лучше чем самому Солону? Да хотя бы так! Пусть хоть кто-нибудь спасется и в конечном итоге останется жив!

– Солон! – услышал он чей-то крик, и это на миг вселило в него надежду, что он всё же выбрался к посту.

Но это оказался Кенгорм. В порванной одежде, на которой местами даже была кровь. Но он был жив. И как он вообще тут оказался? Они же отправились в разные стороны, и не должны были пересечься.

– Я рад, что ты жив, – пролепетал он, приблизившись поближе.

Солон увидел, насколько запыхавшимся и грязным был его товарищ. Наверняка он и сам был таким же, если не ещё хуже. Но это волновало не так сильно, а точнее сказать, и вовсе не волновало.

– И я рад. Но как ты здесь оказался? – спросил Солон.

– У меня к тебе такой же вопрос. Наверное, слишком много поворачивал, поэтому и оказался здесь... Даже понятия не имею, где мы сейчас.

– Но болота закончились, – ответил Солон, и это известие чуть подняло ему дух.

– Они вроде бы отстали от нас. Оставшись на заставе, я парочке из них оторвал руки и ноги, и они похоже, побеждены. Но двое – это очень мало. Их было слишком много, чтобы с каждым сделать то же самое.

– Это твоё заклинание очень помогло нам. Если бы не ты, Кенгорм, они бы уже ели нас.

– Зачем вообще им нужно есть? Они же мертвые...

Но на этот вопрос Кенгорму не последовало ответа. Утопцы не могут думать – они мертвы. Ими повелевает что-то другое. А может, просто их жадная плоть... Кто знает.

– Нельзя отдыхать, – сказал Кенгорм. – Я боюсь, что они смогут вернуться. Надо двигаться дальше и искать выход. Я думаю, что мы уже сполна отработали наказание герра Сёгмунда.

Услышав о герре Сёгмунде, Солон передернуло. Он снова вспомнил о его предательстве. Если, конечно, это было действительно предательством, а не глупой ошибкой. Которую может допустить даже такой великий человек, как он.

За спиной у Кенгорма всё так же висели лук и колчан. Однако из колчана торчали всего лишь три стрелы. Остальные он впустую истратил, пытаясь убить утопцев. «Убить» тех, кто и так уже мёртв.

В этот момент Солон услышал безумный рёв со стороны болот. Случилось то, чего и он, и Кенгорм боялись больше всего. Они вернулись, эти ужасные твари.

Их было не так много. Точнее, не так много, как на самой заставе. Но около двенадцати свирепых утопцев – тоже не так уж мало. А именно столько их вышло именно сейчас. И что самое страшное – они все были вооружены. Кто полузаржавевшими мечами, кто такими же боевыми топорами, а кто вообще чем-то непонятным. Тем, что некогда было оружием.

– Арг... Эррегус, – пролепетал Солон.

– Нет, – жёстко отрезал Кенгорм. – Мы уже потратили все свои силы на него.

– Но я не заметил этого. Я ещё в состоянии колдовать.

– Ты и не должен замечать это. Это не усталость. Просто у тебя кончился сегодняшний запас этого заклинания. Да некогда думать, Солон!

И он стремительно выхватил свой лук и начал стрелять из него. И хотя все три стрелы пришлись в цель, ни на одного утопца это никак не повлияло. Вот уж действительно бесполезная вещь в этом бою – и зачем только Кенгорм так берёт этот лук? Сейчас он, похоже, и сам это понял. Он выкинул лук себе под ноги. Слишком дорогая вещь для него, но уже не нужна. Жизнь она теперь ему не спасет. Тем более, когда в запасе не осталось ни одного снаряда.

– Бежим, – снова сказал Кенгорм, и они побежали.

На этот раз уже вместе – в одну сторону. Ни о каком разделении они и не думали. Да и какое разделение – однажды уже разделились. Но всё равно сошлись вместе. Сама судьба, похоже, оставляет их вместе. Вместе до самого конца.

Но Кенгорм споткнулся о какой-то случайный сук или корень и с грохотом упал на землю. Он стремительно начал подниматься, а Солон уже было остановился его ждать, но Кенгорм во всю мочь закричал:

– Нет, Солон! Не жди! Беги!

И тот побежал. Через несколько секунд Кенгорм поднялся, и снова было принялся бежать, но не успел. Один из утопцев успел схватить его за ногу и потянуть к себе.

Остальные тоже остановились, будто бы всё, что смогли уже сделали. И никто не бежал за Солоном, что позволило ему остановиться и перевести дух. Сейчас было бы полным сумасшествием ринуться в кучу утопцев за Кенгормом. Только чтобы погибнуть вместе с ним. Если сама судьба решила оставить их вместе до конца.

Но если бы Солон и решил это сделать, то не успел бы. Он увидел, как они разрывают Кенгорма на части. Увидел, что теперь он разделен на шесть частей – руки, ноги, голова, и безжизненное туловище.

По щеке Солона потекла слеза, и он бы сейчас разрыдался навзрыд, но было нельзя. Надо было уходить. Без оглядки. В надежде, что несмотря на крах Кенгорма, выживут Эрик и Райлег. И он сам выживет. Чтобы смерть Кенгорма была не зря. Чтобы выжили те, кого он так отчаянно защищал. И те, из-за кого не смог спастись сам.

Солон поражался тому, что он так ни разу и не зацепился ни за какой сук и ни за что-то ему подобное. Поражался тому, что пробежал так много и не чувствовал усталости. Такого не могло бы случиться, будь он в своём обычном состоянии. Он пробежал бы впятеро меньше и умер от дикой усталости. Сейчас не так.

А в голове чей-то голос кричал «Кенгорм мёртв! Кенгорм мёртв! Разорван на части!». Может быть, и Эрик с Райлегом тоже мертвы. Но он не видел их смерти, поэтому и не может ощущать того же самого. И нет того чувства вины, которое он ощущал за гибель Кенгорма. Да может быть он уже и сам мёртв! Разорван на части! А так стремительно улепётывают остатки его души, разделенной с телом!

Но лес закончился, и Солон понял, что выжил. Утопцы не смогут покинуть пределов леса. Скорее всего, не смогут. Поэтому можно утверждать, что Солон спасся. Для себя он герой, но для остальных? Не осудят ли его за смерть Кенгорма?

Оплакивать Кенгорма и свою участь стоит позже. Солнце медленно начало подниматься над горизонтом, и Солон почувствовал холод. Он рухнул в траву от бессилия и не двигался. Где он? Где Академия? И как отсюда выбраться?

III

Да не собирался он никого убивать! Тем более это девчонку. Как ей вообще угрозило встать на его пути? Что она вообще делает здесь, и почему у неё та же цель, что и у Геррера? Он вновь и вновь махал своим мечом, но по большей части защищаясь от дерзких выпадов этой девчонки. Поначалу ему казалось, что в любой момент он сможет закончить этот цирк и обезоружить её, но в итоге его слова остались только мифом.

Она была не так уж и проста, и в мастерстве фехтования ничем не уступала опытному Герреру. Хотя с виду она лет на 7 была младше его, да и на полголовы уступала в росте. Да она же совсем ещё юна – как она оказалась в таком месте? И кто её научил так драться?

«А ведь сейчас я мог бы лишиться головы», – подумалось Герреру после опасного удара девушки. Она не убьёт его, а он её – но урегулировать конфликт как-то нужно было.

Разве можно поуродовать такое симпатичное личико, как у неё? Она, естественно, сконфузила его до неузнаваемости, да ещё попыталась сделать злым, но это мало у неё получалось.

Чтобы чуточку перевести дух, Геррер решил наконец-то перейти с места в карьер. Вместо парирования он применил уклон, сделал шаг к стороне девушки, и в половину силы ударил кулаком под её левое ребро. Затем он собирался вывернуть её руку и наконец-то лишить оружия, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.